

АННА ДАНИЛОВА

психологический детектив

Если можешь – прости

Когда жить не вмоготу, спасает мудрость
старого ромansa

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Если можешь – прости

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А.

Если можешь – прости / А. Данилова — «Автор»,
2016 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-699-89908-1

Одно дело – мечтать отомстить обидчику, совсем другое – решиться на реальное убийство. Что происходит с человеком в ту минуту, когда он выносит приговор ближнему? Какой механизм мы запускаем в собственной душе, назначая себя палачом? Виолетта слишком молода, чтобы довериться чужой мудрости, поэтому на все вопросы она будет искать ответ самостоятельно. Чтобы вывести точную формулу оскорбленного сердца, она окружит себя людьми страдающими, алчными, завистливыми и самоотверженными – каждый из них в ее маленьком вымышленном театре готов стать и жертвой, и преступником...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89908-1

© Данилова А., 2016
© Автор, 2016

Содержание

1. Виолетта	6
2. Таисия	11
3. Виолетта	17
4. Лука	23
5. Таисия	25
6. Миша	30
7. Виолетта	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Данилова

Если можешь – прости

© Дубчак А.В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

1. Виолетта

Осеннее, еще теплое солнце заглянуло во внутренний двор моего дома на Цветном бульваре и поселилось в моем сердце.

Всего полчаса прошло с той минуты, как легкий ветерок взъерошил густые темные волосы парня, забежавшего в это богом забытое место, в этот темный двор, забитый мусорными баками и поваленными деревьями с мертвой золотой листвой. Полчаса как он не знает, что стало с его спортивной сумкой, которую он бросил как раз за эти самые баки. Не знает он и того, что все это я совершенно случайно увидела, наблюдая из окна своей комнаты за проплывающими по небу облаками.

Второй этаж – не так высоко. Во всяком случае, я сумела разглядеть его белоснежную рубашку с распахнутым воротником и черную кожаную куртку. А еще лицо. Лицо не отражало ни одну из известных мне эмоций. Разве что полное равнодушие. Длинные ноги в узких синих джинсах унесли парня вон со двора, и снова стало тихо.

Не помню, как я оказалась возле мусорных баков. Сердце колотилось, а руки выуживали из вонючей темной дыры большую спортивную сумку и холодный влажный пистолет.

И вот я снова в своей комнате. Думаю, мое сердце все-таки выпрыгнуло из груди через горло и осталось где-то там, на золотых осенних листьях, которые мягким ковром устлали двор.

Может, кто-то, наблюдающий, как и я, за облаками из окна своей квартиры, увидит его, подберет и оставит себе. Так, на всякий случай, может, пригодится...

Но меня это уже не волновало. На столе моей комнаты лежал пистолет, а на полу – раскрытая сумка с кучей денег. Волшебные дары судьбы, посланные за все те страдания, что мне пришлось пережить за последний год: смерть матери под колесами джипа, тяжелый разговор с ее последним мужем, на которого она оформила нашу квартиру. Ту самую квартиру, в которой я сейчас стою, глядя на аккуратненькие пачки евро.

«Живи, детка, я скоро вернусь, мы продадим квартиру и поделим денежки», – сказал Жорик, скаля свои новенькие зубы, оплаченные в дорогой клинике моей матерью. Редкостной дурой, всю жизнь положившей на то, чтобы содержать мужиков.

Моя мать – породистая талантливая мошенница, которой природа по ошибке вложила в череп настоящий компьютер, способный делать деньги из воздуха. Тысячи афер, сделок, делишек заставляли денежные ветра дуть прямо матери в карман. Другое дело, что она не умела этими деньгами распоряжаться. Как легко они к ней приходили, так и уходили, улетали, перемещались в сейфы подпольных казино, где играли ее любовники, в кошельки молодых любовниц маминых любовников.

«Масло с колбасой в холодильнике, сахар и хлеб купишь по дороге. А я пошла, у меня дела». «Прибери, закинь в стиральную машинку джинсы Жорика и не забудь о носках. Суп в холодильнике, а я поехала, у меня встреча...»

Был бы жив отец, она, возможно, прожила бы свою жизнь иначе. Но отца пристрелили при задержании, как опасного преступника, убийцу.

Мне было семь лет, когда это случилось. Мать целый год ходила в черном, полюбила коньяк с яблоками и крепкий многочасовой сон. На мои вопросы, за что папа убивал людей, она только отмахивалась, бормоча сонно: «Не все люди хорошие, Веточка. Иных и пристрелить не жалко».

Это потом я узнала, что мой отец, которому менты дали прозвище Мясник, был жестоким человеком, наемным убийцей, одним из самых дорогих профессиональных киллеров

Москвы. Вот только как он распорядился своими деньгами, мы с мамой так никогда и не узнали. Хотя мать могла от меня это скрыть.

Вета, Веточка – так звали меня родители и бабушка. Бабушка так зовет до сих пор. Она живет в Подмосковье, на нашей даче, обосновалась там окончательно, заперла себя в уютном доме в хвойном лесу и счастлива. По паспорту я Виолетта Николаевна Мясникова. Виолеттой меня назвала, понятное дело, мать, большая любительница оперы. Единственной оперы, «Травиаты», мелодии из которой она то и дело насвистывала, готовя кофе по утрам или намыливаясь под душем. Отсюда и Виолетта. Понимала ли она, что не столько награждает меня редким именем, сколько кодирует меня, закладывает в судьбу ноты грустной жизненной партии французской куртизанки? Конечно, нет.

Но все равно я не в обиде на мать. Она, конечно, дура, оставила меня без собственного жилья, но так-то она всегда присматривала за мной, покупала мне красивую одежду, следила, чтобы я чистила зубы, мыла уши и ноги, оплачивала все мои увлечения (танцы, живопись, игру на гитаре и еще кое-что по мелочи), кормила меня и доверяла бесконечно, предоставляя максимум свободы.

По-хорошему, ее бы за все ее делишки посадить лет этак на пятнадцать, тогда всем было бы хорошо, особенно нам с бабушкой. Но ей фатально везло. Ее везение промахнулось всего один раз, когда ее сбил джип. До сих пор, кстати говоря, так и не нашли этого веселого водилу.

Вернувшись с чужими деньгами и оружием домой, я задернула шторы и дальше наблюдала за двором в бархатную щель. Это удивительно, что я так быстро справилась и успела нырнуть за мусорные баки буквально за несколько минут до того, как во дворе появилась полицейская машина. Резко затормозив, она встала как раз напротив моего подъезда. Из нее вышли трое, стали обыскивать двор, потом вернулись в машину и уехали.

Двор опустел, а передо мной все еще стоял этот парень. Высокий, черноволосый, с каменным лицом-маской. Это какую же нужно было прожить жизнь, как разочароваться в ней, чтобы смешную мальчишескую мордашку, доставшуюся ему при рождении, так перекосило, вытянуло и превратило в лицо убийцы. Да, вспомнила, у кого еще видела такое же непроницаемое лицо, такие холодные глаза. У моего отца. Правда, он был блондином с зелеными глазами. Мои зеленые глаза достались мне по наследству. Думаю, что и моя кровь, густая смесь мощных ДНК моих преступников-родителей, тоже несет вполне определенную информацию. С этим сознанием и живу.

Я понимала, что любителей постоять-покурить у окна в нашем доме предостаточно – полно пенсионеров, которым просто некуда девать время, и они целыми днями гоняют чай на кухне. Да мало ли кто мог задержаться у окна в тот момент, когда обладатель холодных глаз избавлялся от тяжелой денежной ноши. А это означает, что могли заметить и меня, эту самую ношу прибравшую!

Через несколько минут, когда стало очевидно, что я похитила чужие деньги и оружие, мне уже ничего другого не оставалось, как выбраться с этой сумкой через чердачную лестницу на крышу, добежать до единственного распахнутого в этот день люка третьего подъезда, спуститься вниз, выбежать со двора и броситься бежать по Цветному бульвару вдогонку самой осени...

Пахнущая типографской краской газета объявлений не могла решить мой острый квартирный вопрос. Я отлично знала, как надувают жаждущих снять квартиру московские квартирные мошенники. Великое множество однодневных офисов псевдориелторских контор продают доверчивым людям списки с липовыми адресами совсем даже не пустых квартир.

А ведь мне надо было где-то скрыться.

Понятное дело, что я не в лесу жила, у меня были подруги, знакомые, но мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, где я скрываюсь. Ведь круг моих знакомых легко просчитать. По этой же причине я не могла отправиться к бабушке в Клюшниково, хотя этого мне хотелось больше всего. Вот ей-то я как раз могла бы все рассказать без утайки. Еще и не такие истории она проглатывала на своем веку. Моя бабушка – черный ящик, который невозможно отпереть.

А еще она добрая, умная и печет отменные пирожки с яблоками. Еще вяжет пуховые шали, носки и варежки.

Я позвонила ей, сказала, что мне нужна квартира. Она выслушала меня и, не задавая вопросов, сразу же назвала адрес.

– Веточка, ключ найдешь под ковриком. Удачи тебе, детка.

Волшебница. Вот все люди были бы такими – понятливыми, не любопытными, способными любить, как она. Ольга Михайловна Берглунд, фамилия по второму мужу, потому что переселенцев из Швеции. Уж не знаю почему, но моим родителям в их нечистых делах она помогала всегда.

Крапивенский переулок, куда отправила меня моя Ольга Михайловна, находился в уютном уголке между Петровским бульваром и самой Петровкой. Вот как раз рядом с Высокопетровским монастырем, в старом, забытом всеми, в том числе далеко не бедным подворьем по соседству, дворе. В древнем, чудом сохранившемся доме грязного красного кирпича на третьем этаже и находилась тихая квартира – мое убежище на неопределенное время.

Высокие потолки, желтые в жирных пятнах обои, почерневший паркет, вытертые диваны и кресла, огромная кухня со старым буфетом, наполненным фрагментами старинных сервизов, глубокая ванна с уже оранжевой от времени эмалью. Самое то для преступниц вроде меня. Оказавшись там и провернув с громким щелканьем ключ, я заперлась, смутно представляя себе свое дальнейшее существование.

Зато я была в полной безопасности.

Устроившись на пахнущем старьем красном одеяле, я высыпала из сумки пачки денег и принялась пересчитывать. Подсчет занял несколько минут – все пачки были в банковских упаковках, каждая пятисотенными купюрами по пятьдесят тысяч евро каждая. Пачек было сто двадцать, значит, за несколько минут безумного марш-броска к помойным бакам и обратно я присвоила себе, страшно сказать, шесть миллионов евро!

Сиреневые пачки согревали мне душу и перехватывали дыхание. Очень странное это было чувство. Я шелестела купюрами, трогала их, обнюхивала, пытаюсь понять, настоящие ли они, но все равно ничего не понимала. Но выглядели они солидно, ах как солидно. Как настоящие. Но проверить их мне будет трудно, очень трудно. Возможно, номера банкнот (они наверняка украденные) записаны. Да и сама купюра в пятьсот евро в руках девчонки, какой я себя видела со стороны, могла бы вызвать подозрение.

Ладно, подумала я тогда, как-нибудь разберусь. Уж найду способ разменять их или превратить во что-нибудь безопасное.

Теперь пистолет. Вроде бы тоже настоящий. Очень тяжелый и невероятно холодный. Возможно, он даже был заряжен.

Достав из рюкзака, с которым я никогда не расставалась (оранжевый с зелеными вязаными вставками, еще и украшенный целой коллекцией миниатюрных плюшевых мишек и щенков с котятами), планшет, я первым делом заинтересовалась криминальными сводками.

Неподалеку от Трубной площади, на Цветном бульваре среди бела дня неизвестный человек разбил стекло новенькой желтой «Ламборджини Gallard», припаркованной непо-

далеку от офиса какой-то финансовой компании, и похитил спортивную сумку с несколькими миллионами евро. Владелец «Ламборджини» депутат Ч. утверждает, что эти деньги предназначались для его избирательной кампании. К вечеру появилась новая информация: деньги были похищены из скромной «Лады», припаркованной неподалеку от кондитерской в районе цирка на Цветном бульваре, а принадлежали они одной из московских преступных группировок. Читая эти странные и смешные сводки, я даже представляла себе мокрого от пота и страха молоденького журналиста, щелкающего пальцами по клавиатуре под прицелом направленного на него пистолета... Вернее, разных пистолетов, направляемых на него по очереди причастными к этой истории опасными людьми. Отсюда и множество версий, предположений. Причем все какие-то мутные, странные, почти фантастические – ни одной не хотелось верить.

Однако было в этих сводках одно общее. Имя похитителя – Лука Заречный. Очень красивое имя и фамилия, и я сразу же представила себе стоящего на берегу реки Робин Гуда с луком в руке.

На самом деле Робин Гуд был без лука, а с пистолетом. И выглядел он более круто, чем шотландский средневековый стрелок-правдолюбец.

Если бы меня попросили составить его фоторобот, я бы без труда сделала это. Красавчик-бандит в белой рубашке, черной кожаной куртке и синих джинсах все еще стоял передо мной. Закрыв глаза, я мысленно увеличивала его портрет, словно нажимая на невидимую кнопку зума. Еще немного, и я услышу запах его одеколona!

Лука Заречный, если верить интернету, находился в розыске за разбой и убийство с конца 2012 года. Подробностей его криминальной биографии я так и не нашла и подумала еще тогда, что, скорее всего, не так-то все просто. Вполне вероятно, что отсутствие этих самых подробностей является результатом работы служб безопасности людей, на которых он работает. А что это за люди, из каких структур, – меня и вовсе не должно было интересовать. Эти люди повсюду, мчатся мимо тебя в дорогих машинах с тонированными стеклами и исчезают, растворяются в своей темной, замешанной на крови жизни.

Я понимала, что украла их деньги и что Лука – последнее звено какой-то хорошо подготовленной операции (наркотики, продажа оружия, политика). Где-то в цепи запланированных событий произошел сбой, в результате чего эти деньги нужно было перепрятать, инсценировав ограбление машины. А может быть, храбрый Лука, выследив машину, нафаршированную шестью миллионами евро, решил ее грабануть, но его заметили и бросились за ним в погоню. Это могли быть настоящие полицейские, те, которых я видела из окна, а могли быть переодетые преступники, которых я приняла за полицейских. Они гнались за Лукой, это факт. И, надеюсь, потеряли его из виду. Иначе интернет пестрел бы совершенно другими сводками...

Неуловимый Лука занимал меня весь вечер. Если мои соседи доложили ему или его людям, кто взял сумку с деньгами, значит, он ищет меня. Когда найдет, в лучшем случае потребует сумку, а в худшем – просто отберет ее, а меня пристрелит. Или же сумку ищут те, у кого он ее украл. Как бы там ни было, мне вообще опасно высовываться из дома.

Но и сидеть до посинения я тоже не могла. Мне нужно было купить еду.

Прошло всего несколько часов с тех пор, как я поселилась в Крапивенском переулке, и я надеялась, что за мной еще не следили. Иначе бы нашли.

Я очень боялась, что они, мои преследователи, поедут к бабушке в Ключниково. Но, с другой стороны, мало кто из моих знакомых знает, где она живет. Отыскать меня у бабушки было бы в любом случае делом непростым. Да и бессмысленным. Какой человек, украв такую сумму, будет прятаться там, где его легче всего найти?

Я все-таки вышла из дома и долго шла куда глаза глядят в надежде найти какой-нибудь продуктовый магазин. Поначалу-то мне и есть не хотелось, нервы были на пределе. А вот ближе к вечеру денежки в сумке зашелестели: иди, купи себе хотя бы хлеба с колбасой!

Я взглянула на себя в тусклое зеркало в прихожей. Показалось, что из прошлого этой квартиры на меня посмотрела застрявшая между старинными годами (когда лягушки были господами) перепуганная насмерть девчонка с большими глазами. Я помахала ей рукой и вышла из дома.

2. Таисия

Таисия Китаева открыла глаза, потому что была жива. А живой человек не должен так долго лежать с закрытыми глазами, если, конечно, он не спит.

Гримерная плыла перед ней цветной желто-красной картинкой. Это были слезы, это была горечь, это была невысказанная боль.

Во рту оставался солоноватый железистый привкус крови. Ей сорок один год, и ее изнасиловали в собственной гримерке.

Вот уже два года, как Таисия Китаева сменила профессию преподавателя французского языка и литературы, став певицей ночного кабаре «Преферанс». Заведение было частным, тайным, дорогим, уникальным. Поначалу оно принадлежало молодому человеку по имени Миша Зелькин, большому любителю романсов, классической музыки и балета. Выкупив с отцом старинный особняк на Петровском бульваре и отреставрировав его, он почти все помещения сдал под офисы, а внутренние, тайные комнаты и полуподвальное помещение с зимним садом превратил в ресторан для избранных. Публику он подбирал исключительно среди знакомых семейства, близких друзей отца или матери. В основном это были люди военные, солидные, так называемая старая гвардия. Для них он приглашал профессиональных музыкантов, поэтов, певцов и танцоров. Миша с большим вкусом составлял программы, собирая под свое крыло людей талантливых, уникальных. Целью его было ублажить, осчастливить своих гостей, дать им возможность послушать любимые мелодии, потанцевать любимые танцы, вернуться на несколько часов в счастливую молодость.

Название «Преферанс» было придумано давно, еще до того, как государство запретило игорный бизнес. Потом комнаты для игры в карты нужно было превратить в уютные кабинеты, а из самой большой сделать маленький театр с подмостками и зрительным залом. Ресторан открывался в шесть вечера и закрывался рано утром. Меню было своеобразным, от блюд советского номенклатурного застолья (шницель из свинины, чахохбили из кур, креветки «Барадеро») до дорогих кушаний царского времени (уха с расстегаями, котлета «Пожарская», поросенок с хреном, гурьевская сладкая каша).

Таисию, обладательницу красивого голоса и привлекательной внешности, позвала в «Преферанс» знакомая Миши, подруга его матери. Ей предложили исполнять русские романсы, советские и зарубежные шлягеры, попросту велели выучить множество песен на любой вкус. Работа предполагалась постоянная, хорошо оплачиваемая (зарплата плюс чаевые), с бесплатными ужинами и выпивкой. Таисия, перед которой в то время возникла проблема поиска работы из-за затяжного конфликта с директором-самодуром в частной гимназии, где она преподавала французский, практически сразу же согласилась. Выступая с успехом перед публикой и с каждым разом чувствуя себя все увереннее, она вдруг в какой-то момент поняла, что это и есть ее призвание. Для нее шили концертные платья, под ее репертуар оформлялась маленькая сцена. Помощники и телохранители Миши следили за ее безопасностью, не позволяя никому из подвыпивших гостей, пожелавших лично поцеловать ручку или преподнести артистке букет, пройти в ее гримерку, и всегда вовремя, до назревающего скандала провожали ее до такси, а то и до самого дома. И все вечера были наполнены каким-то особым очарованием, радостью от сознания того, что ее, вчерашнюю учительницу, воспринимают как профессиональную певицу, как артистку, что ее любят и хотят слышать ее голос. Отношения, которые завязались у нее с Мишей, хозяином ресторана и просто очаровательным и умным молодым человеком, обладающим массой способностей, сделали ее и вовсе счастливой. И все бы так и продолжалось, Миша бы фонтанировал идеями и все они были бы одна оригинальнее другой, если бы не авария, унесшая жизни его родителей. «Преферанс» закрыли на время похорон, а потом пропал и сам Миша. Просто исчез. Коллек-

тив ресторана еще какое-то время работал, словно по инерции, а дальше появился человек по имени Олег Иванов и объявил себя хозяином «Преферанса». Документом, подтверждающим этот факт, стало свидетельство о его праве собственности на ресторан. Приблизительно четыре месяца ресторан работал в обычном режиме. Все это время Таисия обивала пороги, пытаясь заставить полицейских активнее искать Михаила Зелькина, наняла людей из частной охранной фирмы, чтобы охраняли Мишину квартиру и дом его родителей от разграбления. Между тем, постоянные посетители ресторана, по большей части друзья и знакомые семьи Зелькиных, отказывались проводить вечера и праздники в изменившемся заведении. Даже уха, как сказал один из них, потеряла свой вкус, не говоря уже о новом чудовищном репертуаре Таисии – ей было приказано петь современные песни, подражая вульгарной попсе...

Разразился скандал, Олег Иванов, высокий худой рыжеволосый мужчина с глазами и ртом ящерицы, заглянул в гримерку к Таисии и тихим голосом предложил ей в случае неповиновения уйти, уволиться. Он сказал, что найти ресторанный певец на ее место – дело одного дня и желающих будет много. Понимая, что это конец, что ей больше терять нечего, она вспыхнула и сказала, что не верит в исчезновение Миши, что он не просто исчез, что его убили, и что убийца его – сам Олег! Она уже и не помнила, что еще кричала, какие обвинения бросала в непроницаемое лицо Иванова. Пришла в себя, когда он ее вдруг ударил по лицу, схватил за руки и повалил на пол. Такой силы, такой железной хватки от мужчины она не ожидала. Находясь в полубессознательном состоянии после всего пережитого, испытывая жгучий стыд и злобу, она с трудом поднялась, оделась и вышла через черный ход ресторана на улицу. Глотнула воздух и медленно побрела, плохо соображая и изо всех последних сил стараясь не упасть. В какой-то момент небо опрокинулось, и на нее стремительно понеслась пожухлая трава.

Первое, что она увидела, когда пришла в себя, были большие зеленые глаза. Высокий девичий голос спросил:

- Может, «Скорую» вызвать?
- Нет-нет, не надо.

Оказывается, она уже сидела на скамейке. Перед ней стояла, пристально вглядываясь ей в лицо, девушка, почти подросток.

- Я думала, что вы умерли, – сказала она.

– Да лучше бы умерла, – ответила Таисия и почувствовала, как горячие слезы хлынули и потекли по щекам.

- Если не «Скорую», так, может, полицию?
- Нет, я сейчас приду в себя и поеду домой.
- Может, я вас провожу?
- Нет, не надо. Спасибо.

– Скажите, – девушка оказалась назойливой, но равнодушной, что было приятно. – Скажите, вот если бы вы увидели лежащую на земле женщину, вы прошли бы мимо? Не предложили помощь? То-то и оно. Пойдемте со мной. Хотя бы согреться. Все-таки на земле лежали.

Она привела Таисию, которая воспринимала все как сон, в какую-то странную квартиру. Древнюю, дремучую, со старой мебелью и обшарпанными стенами.

- Здесь время остановилось, – сказала, оглядываясь, Таисия. – Это не ваше жилье.

– Все правильно. Меня поселили здесь временно. Зато никто не найдет, – улыбнулась она как-то странно. У нее был вид человека, которому не с кем поговорить. Милая такая девушка с внимательными глазами. И очень-очень молодая.

В какой-то момент Таисия пожалела, что согласилась пойти с девушкой. Уж слишком неуютным было жилье, в которое она ее привела. Какое-то безжизненное, почти нереальное.

– Может, вы расскажете, что с вами приключилось?

– Я работала певицей в ресторане. Ресторан забрал какой-то бандит, мой хозяин Миша исчез, а меня только что изнасиловали... Новый хозяин. Как тебе такая история?

Таисия и сама не могла понять, как случилось, что она рассказала всю правду первой попавшейся девчонке. Вероятно, просто не смогла молчать.

– А я изменила своему парню, он обещал меня убить, и теперь вот прячусь, – проронила, как уронила правду, девушка. – Меня зовут Виолетта.

Она протянула Таисии худенькую ладошку.

– Таисия.

– И кто этот хмырь? Почему не обратились в полицию? Бойтесь его? Я почему спрашиваю-то. Просто вам сейчас наверняка хочется принять душ, смыть с себя всю эту грязь. Но тогда вы не сможете посадить его, смоете все биологические следы. Вы точно не станете обращаться в полицию?

– Точно. Его все равно не накажут, у него денег много. А я только опозорюсь. Не могу представить себе, как буду давать показания. Да и кто поверит какой-то там ресторанной певичке?

– У меня прямо руки зачесались, – сказала Виолетта. – Так и хочется этому вашему Иванову башку оторвать. Или яйца.

– Виолетта, а может, поедем ко мне? Здесь как-то...

– Стремно? Согласна. Но я же здесь как бы прячусь. А что если за мной следят? Если пальнут, то и в вас попадут. Может, мы просто вызовем такси, и вы поедете одна?

– Да никто ни в кого не пальнет! Мужики, они все такие – умеют только угрожать. Предлагаю поехать все-таки ко мне. Уж у меня-то тебя точно никто не найдет. У меня и дом под охраной, если что. Но самое главное – ванна!

– Вы точно не боитесь со мной?

– Знаешь, после того, что мне сегодня пришлось пережить, не думаю, что испугаюсь твоего парня.

– Хорошо. Если вы готовы разделить со мной опасность, короче, если вы со мной, то поехали к вам. Сами видите, какая здесь грязь. Мне бы тоже помыться, пожрать нормально. Я вон купила чаю, колбасы. Но здесь кусок в горло не полезет.

– Я с тобой, Виолетта, – сказала Таисия, испытывая к этой смешной девчонке теплые чувства и с трудом скрывая свою иронию. – Поехали ко мне. Поступим так. Раз ты уж так напугана, что даже сняла эту квартиру, то, может, на самом деле тебя ищут. Выйдем из дома, пройдем пару кварталов и поймаем частника. Нам в нашем положении такси не нужны. Может, ты права, и тебя могут вычислить. Ты бы свою сим-карту выбросила, мало ли, а я куплю тебе новую, на свое имя. Ты перепиши важные номера.

– Круто!

Они вышли из квартиры, спустились во двор, огляделись. А через четверть часа уже сидели в старенькой «Волге» и мчались в сторону Садового кольца.

– Я живу рядом с театром кукол, – сказала Таисия.

– Круто, – уже без особого энтузиазма отозвалась нагруженная сумкой и рюкзаком Виолетта.

– Садовая-Самотечная, – сказала Таисия водителю.

– Хороший райончик, – заметил водитель, молодой рыжеволосый парень с синими глазами. – Я бы тоже не отказался там жить.

– А ты где живешь? – живо отреагировала Виолетта.

– В Люблине.

– Да уж, далековато. Да ничего, ты еще молодой. Заработаешь бабок и купишь себе приличное жилье, где захочешь. Ты школу-то окончил?

– Обижаешь, – ухмыльнулся парень. – Я вообще-то студент, в музыкальном училище учусь. На баяне играю.

Виолетта вдруг расхохоталась. Парень, пожав плечами, надолго замолчал.

– Слушай. Ты это, не обижайся на меня. Просто ты так выглядишь... Такой весь из себя современный, яркий, и тут вдруг – народные инструменты. Баян! Не понимаю я народную музыку. Классику еще куда ни шло. Но чтобы народные...

– Да понял я, понял. Вас никто и не заставляет слушать народную музыку. Хотя я на баяне играю Баха, вы просто не слышали.

И снова тишина. Машина запетляла по улочкам, Таисия вдруг всхлипнула.

– Вы чего? – Виолетта повернулась к ней, увидела слезы. – Эй, ты, баянист, давай-ка уже езжай быстрее. Человеку плохо.

У Таисии, перед которой веером промелькнули картины ее недавних выступлений в ресторане, довольные лица гостей, Миши, вдруг стало так тяжело на душе, что она не выдержала. До нее словно постепенно начал доходить весь ужас ее ситуации. Во-первых, ее унизили предельно, изнасиловали в гримерке, куда еще недавно ей приносили новые концертные платья, где Миша говорил ей комплименты или передавал записки от гостей со словами благодарности за прекрасно исполненные романсы. Изнасиловали, осквернив ее тело и душу. Во-вторых, она осталась без работы. В-третьих, как, на что она теперь будет жить? В-четвертых, она вдруг поняла, что Миши больше нет в живых. Что этот Иванов просто-напросто убил его, заставив перед смертью подписать все документы на «Преферанс».

– Слушай, баянист, тебя как зовут-то? – спросила Виолетта уже на месте, перед тем как выйти из машины.

– Петя. Вернее, Петр. А что?

– Ты не против иногда подрабатывать на своей роскошной тачке? Подвезти меня куда надо?

– Да без проблем, – лицо Петра осветилось улыбкой. Даже веснушки его вспыхнули на солнце.

– Диктуй номер своего мобильного!

Таисия не заметила, как и сама улыбнулась, глядя на этого солнечного баяниста. Виолетта права, в случае, если ей понадобится перемещаться в пространстве, такая вот «Волга», неприметная, скромная, – то, что надо.

Таисия жила в сталинском доме, престижном, с ухоженным чистым подъездом и консержкой. Сюда ей было не стыдно и даже приятно приглашать новых друзей.

Сейчас, увы, все те, кто прежде с благодарностью и восхищением слушал ее пение и любовался ею, куда-то пропали, словно затаились. И вот теперь она ведет в свой дом совершенно незнакомую девчонку, скрывающуюся от своего парня. Что ж, такова жизнь. Не знаешь, что будет через день, а то и час. Разве могла она еще сегодня утром предположить, что с ней станет?

– Я бы хотела, чтобы он умер, – сказала она сквозь слезы, открывая дверь и впуская к себе Виолетту.

– Меня хоть и не изнасиловали, но я бы тоже хотела, чтобы эту собаку где-нибудь пристрелили. Ведь он бандит, я правильно поняла? – отозвалась та, оглядываясь в восхищении. – Ты хорошо упакована, просто класс! Нет, ты не подумай, я не завидую, просто красиво.

Она с легкостью перескочила на панибратское «ты», что нисколько не напрягло Таисию, напротив, вызвало улыбку.

– Проходи, Виолетта. – Таисия тяжело вздохнула. Сейчас все, что так радовало ее в квартире, разные приятные мелочи, выглядело мучительным. Каждое напоминание о ее прошлой благополучной и счастливой жизни резало по нервам, убивало.

– Я не убийца, конечно, – рассуждала, между тем Виолетта, стягивая со спины рюкзачок, освобождаясь от него, словно от тяжелых пут, – но с удовольствием всадила бы в него несколько пуль. Скотина! Ничего, он еще у нас попляшет!

– Пойду пушу воду, смою с себя всю эту мерзость.

– Ты хорошо подумала? Потом, когда помоешься, обратного хода уже не будет, это я про экспертизу и все такое.

– Нет-нет, в полицию я точно обращаться не буду.

В дверь позвонили, Таисия вздрогнула.

– Не открывай, – прошептала, давясь мгновенно образовавшейся сухостью в горле, Виолетта. – Пожалуйста. Это за мной.

Таисия на цыпочках подошла к двери.

– Виолетта, у меня две двери, так что не бойся. Но, думаю, это все же ко мне. Сейчас посмотрю в глазок.

Мысленным взором она уже в который раз увидела стоящего за дверью Мишу, и сердце ее при этом заколотилось так, словно это было реальностью.

Но за дверью стояла соседка Зоя Григорьевна, мать депутата Госдумы, женщина хоть и строгая, но с добрым сердцем. Она, одинокая и скучающая, заглядывала к Тае время от времени, чтобы угостить ее выпечкой или попросить у нее по-соседски соли или какой-нибудь мелочи. В планах Таи было пригласить ее как-нибудь в «Преферанс» на ужин, чтобы продемонстрировать ей свой талант певицы, а заодно сделать ее постоянным гостем Мишиного ресторана. Однако все это так и останется лишь планами.

– Таечка? Можно войти?

На Зое Григорьевне был красный шелковый халат, в тон красному лаку на длинных коготках. Аккуратная стрижка, подтянутая кожа лица, умеренный макияж – все это сильно молодило семидесятилетнюю женщину.

– Да, Зоя Григорьевна, входите, пожалуйста.

– Таечка, надо поговорить. Где нам лучше расположиться?

Тая пригласила соседку на кухню. Виолетта посчитала лучшим скрыться.

– Я не сплетница какая-нибудь и вообще не терплю сплетен. Но то, что я тебе сейчас расскажу – ужасная история, которая приключилась буквально на моих глазах! Конечно, я увидела и услышала все, находясь на своей территории, то есть в своей квартире, за дверью, но все видела в глазок и все слышала. Так вот. Я о Леночке Борисовой.

– О Лене?

Она имела в виду соседку, квартира которой находилась на третьем этаже. То есть на этаж выше, однако на втором, рядом с дверью в квартиру Таисии, располагался другой, черный, или тайный, ход на нижний этаж двухэтажных апартаментов Борисовых.

– Ты же знаешь, этот, с позволения сказать, кобель Борисов частенько пользовался черной дверью, чтобы впускать туда своих любовниц. На его, так скажем, официальном этаже проживает одна весьма любопытная дама, приятельница его матери Маргариты Петровны, поэтому в отсутствие Леночки Борисов впускал своих любовниц с нашего этажа. Нам-то с тобой об этом хорошо известно. Но, повторяю, я все это говорю тебе не ради того, чтобы просто почесать языком. Ох, Тая... Что-то я много наговорила, а главного пока не сказала. Совсем разучилась с людьми разговаривать, одичала совсем. Главное – Борисов выгнал Леночку. Да-да, я видела, повторяю, своими глазами. Нет, конечно, тема эта сейчас

весьма популярная в сериалах, но когда смотришь кино – одно восприятие, а вот когда это происходит прямо на твоих глазах, и ты знаком с этими людьми, то понимаешь, как же все это страшно, бесчеловечно! Он выставил ее в халатике и в розовых тапочках с пухом. Очень красивые тапочки. Они, кстати говоря, сейчас у меня...

– Бог с вами, Зоя Григорьевна. О чем вы? Кто у вас? Тапочки? Вы о тапочках?

– Сама не знаю, почему их вспомнила. Должно быть, потому о них сказала, что прямо-таки вижу их перед собой. Надо признаться, Борисов никогда не жалел на жену и детей денег, и Леночка одевалась хорошо, и детишки, Танечка и Аркаша, и кто бы мог подумать, что в такой вот, внешне вполне благополучной, семье может случиться такое...

Так вот, я сразу после того, как Борисов выставил Леночку из квартиры, и она вошла, как слепая, в лифт, поехала за ней... Сразу! И догнала ее уже на крыльце, на ступенях. Она стояла, у нее был вид совершенно сумасшедший. Она, бедняжка, явно не знала, куда ей идти. Думаю, что ей на самом деле некуда было идти, родители-то ее далеко, где-то в Омске, что ли. Хорошо, у меня с собой был кошелек. Я сразу же вызвала такси, и мы с ней поехали в Зеленый Бор, ко мне на дачу. Понятно было, что она нуждается в помощи, что ее надо срочно увозить. Нет, конечно, мы могли бы отправиться с ней в больницу, у нее лицо было все разбито...

– Зоя Григорьевна! – Таисия поймала ее руку, которой та касалась своего холеного лица с осторожностью, как если бы это было израненное лицо Лены Борисовой. – Пойдите, не так быстро. Вы отвезли ее на свою дачу, я правильно поняла?

– Ну да! Не в полицию же ее везти! Там правды не добьешься, особенно когда противоположная сторона – зажавшийся богатый мужик, решивший, что все можно купить. Или что после избиения жены, после того как он отнял у нее детей и выгнал ее из дома в ночной рубашке и тапочках, можно остаться безнаказанным. Таечка, поверь мне, без толку с такими бороться и что-то там доказывать! Да и я тоже не хочу принимать во всем этом участие. Я слишком хорошо понимаю, чем все это может закончиться, у меня есть подруга, так вот, с ее дочкой произошла похожая история. Слава богу, вмешался мой Дима, и все закончилось более-менее благополучно. А с Леной... В лучшем случае ее запрут в какую-нибудь частную психиатрическую клинику – и все, пиши пропало! А в худшем – даже страшно представить себе, как, каким способом Борисов мог бы от нее избавиться. Понимаешь, она для него уже давно стала обузой. Он и терпел ее, я предполагаю, исключительно из-за детей, все-таки мать. А ведь наша Леночка – редкой доброты и порядочности человек, Борисову с такими вот нормальными людьми скучно, им подавай другого типа женщин. Сама понимаешь, что я имею в виду.

– Она сейчас у вас? На даче?

– Да. Я отвезла ее, бедняжку, туда, затопила камин, включила все имеющиеся радиаторы... Уложила ее в постель, а сама вот вернулась в Москву, чтобы забрать одного моего знакомого хирурга, я договорилась. Нет-нет, ничего такого криминального нет, синяки на лице, разбитый нос, но все равно, надо бы какие-нибудь примочки сделать, уколы, болеутоляющие. Да и вообще ей сейчас нужен покой. Я что заглянула-то? Может, поедешь с нами? Подскажешь чего?

3. Виолетта

– День какой сегодня, богатый на события, – заметила Тая, запирая дверь за соседкой.
– Ты сказала ей, что подумаешь. Ты реально хочешь поехать к ней на дачу? Ты, такая измученная, готова впрячься за нее?

– Ну да! Лена классная, она всегда мне нравилась. Красивая такая, спокойная, умная, мы с ней сколько раз пили чай, когда ее дети спали, разговаривали. Она мне о себе рассказывала, о детках... Они совсем маленькие, погодки, Танечке два годика, а Аркаше – три. Такие крохи. Забыла спросить Зою Григорьевну про детей. Конечно, я хочу ей помочь. А что тебя так удивляет?

– Наоборот, не удивляет, – призналась я. – Я реально рада, что не ошиблась в тебе. Вот только ты недавно только в себя пришла. Или уже забыла?

– Да нормально я себя чувствую... Думаю, гораздо лучше, чем Лена.

– Ладно. Тогда иди прими душ, – скомандовала я, – и собирайся. А я с тобой.

– Ты серьезно? – слабая улыбка осветила лицо Таисии.

– Конечно.

Странное дело, мне всегда казалось, что изнасилование – это как катастрофа, после которой женщины с трудом выживают. И дело не в физическом состоянии, если, конечно, это не групповуха, а в психике. Тая же моя как-то очень быстро пришла в себя. Вот только неясно было, радоваться мне этому обстоятельству или насторожиться. Бабушка меня всегда учила никем не очаровываться, воспринимая людей такими, какие они есть, никому уж точно не доверять и даже самые благородные чужие поступки подвергать проверке. Вот и тогда, глядя, как проворно розовая после горячего душа Таисия собирается, я все-таки напряглась. А что, если она выдумала эту историю с рестораном и никто ее не насиловал? Да может, она вообще не та, за кого себя выдает? В любом случае, решила я, деньги в доме не оставлю, возьму с собой, мало ли. И пистолет положу в карман, ничего, что тяжелый.

– Виолетта? Ты чего с сумкой-то? Мы же вернемся, – удивилась Тая уже перед тем, как нам выйти из квартиры. – Или ты передумала остаться со мной, у меня?

Не была она похожа на правую руку Луки Заречного, да и нереально все это – чтобы тот, у кого я украла деньги, вот так быстро сориентировался, разыскал меня да и подсунил мне Таю, жертву изнасилования, чтобы мы с ней скорешились-подружились. Какой в этом смысл? Даже если предположить невозможное, что Тая – часть спектакля, организованного с целью вернуть деньги, кто бы успел так быстро все это проверить? Конечно, это полный бред! И во всем виновато мое больное воображение и переполнявший меня страх, который с каждым часом набухал во мне все больше и больше...

Понятно мне было и удивление Таисии, увидевшей меня в обнимку с сумкой, набитой миллионами евро. Она-то не знала, что в ней, иначе точно не спросила бы, зачем я беру ее с собой. Поделиться с ней тайной содержимого сумки я тоже считала, мягко говоря, преждевременным. Получалось, что я как бы не доверяла ей, забирая сумку, или, во всяком случае, не собиралась возвращаться в ее квартиру. Я уже и не знала, как мне поступить, и тут вдруг Таечка просто-напросто отобрала у меня сумку и сунула ее за диван, в укромное местечко в гостиной.

– Не пори горячку. Будешь пока жить у меня, – сказала она тоном, не терпящим возражения. – Что там в твоей сумке ценного? Пижама да зубная щетка? Вот и хорошо, пусть останутся здесь, у меня. Вернешься, помоешься, переоденешься и отдохнешь. Я понимаю, мы с тобой мало знакомы, но разве тот факт, что я предложила тебе свой кров, ничего для тебя не значит?

– Значит, – прошептала я, глядя на синюю темную сумку в тени дивана. – Конечно, значит. Вообще-то, у меня там пистолет.

– А... Теперь хотя бы понятно, почему ты так держишься за свою сумку. Откуда пистолет? Чей он?

– Нашла.

– Ты хотела взять его с собой?

– Да, – проблеяла я неуверенно. – Неизвестно, куда едем.

– Давай уже ты успокойся и перестанешь во всем видеть смертельную опасность. Да, Лена попала в переplet, ей тяжело, но мужа-то ее, изверга, там, в Зеленом Бору, нет и быть не может. Сейчас мы имеем дело с благообразной старушкой, чудесной женщиной по имени Зоя Григорьевна. Я просто уверена, что, попади мы с ней даже в какой-нибудь переplet, она сразу же позвонит своему сыну Диме, и все вопросы будут решены. Что, я убедила тебя не брать с собой пистолет?

Конечно, она не поверила мне, что я его нашла. Слишком уж фантастически это выглядело. Интересно, подумала я, а что она сказала бы, если бы я призналась, что нашла шесть миллионов евро? Расхоталась бы в лицо, точно.

Решив, что надо действовать по обстоятельствам и что впредь не стоит привлекать внимание кого бы то ни было к сумке, я попросила у Таи прощения за свою неделекатность. После этого я стерла со своего лица озабоченность и смело последовала за старшей подругой в неизвестность. То есть за порог ее милой уютной квартиры, чтобы направиться в Зеленый Бор.

– Придется немного подождать, такси будет через четверть часа, – сказала Зоя Григорьевна, когда мы втроем вышли на улицу. – Ничего, подышим свежим воздухом. Да и доктор Михаил Семенович отзвонился, предупредил, что немного задержится.

– Эти таксисты, – покачала головой Таисия, выражая явное недоверие к представителям этой профессии, – опасные люди. Всегда и все знают, звонки же фиксируются, записываются. Если Борисов подключит своих людей, то может вычислить, куда увезли Лену.

– Нет-нет, Таечка. Не переживай. Это знакомый таксист, Александр Петрович, я его хорошо знаю и всегда вызываю только его, а потому ему можно доверять. Мы с ним катаемся на мою дачу вот уже пять лет!

Ноябрь, предав осень, решил нас в этот день просто заморозить, прикинуться декабром. Откуда-то подул холодный ветер, принес похожую на снег крупу, с деревьев с шумом летели листья. А знакомый таксист Зои Григорьевны где-то застрял в пробке.

– Что поделать, вся Москва стоит, – чуть не плакала пожилая женщина, кутаясь в широкий красный шарф.

– Может, позвоним нашему баянисту? – шепотом спросила я Таисию.

– Я не против. У меня голова замерзла, я же ее помыла.

Я позвонила Петру, спросила, не сможет ли он приехать, чтобы отвезти нас в Зеленый Бор. Реально ли приехать хотя бы в течение получаса? Петя звонким голосом ответил, что он находится в нашем районе и прибудет через восемь минут.

– Посмотрим, – недоверчиво покосилась Зоя Григорьевна в мою сторону.

– Посмотрим, – кивнула головой Тая.

Петя прибыл на одну минуту даже раньше, практически одновременно с появившимся возле дома доктором, высоким худым стариком в теплой куртке, вязаной черной шапочке и джинсах. Я, честно говоря, даже глазам своим не поверила, когда во двор въехала знакомая старенькая «Волга», за рулем которой сидел, широко улыбаясь, наш баянист. Мы бросились к машине, чтобы поскорее спрятаться от холодного ветра.

– Фантастика! – воскликнула Зоя Григорьевна, усаживаясь на заднее сиденье между Таей и Михаилом Семеновичем. Я села рядом с водителем и тут же пожалела об этом. Какой из меня штурман, если я понятия не имела, куда ехать.

– Я знаю дорогу как свои пять пальцев, – успокоила меня Зоя Григорьевна, набирая номер застрявшего в пробке таксиста, чтобы дать ему отбой.

– А ты чего здесь делал, в этом районе? – спросила я Петра, ловко маневрирующего между автомобилями.

– Работал, – пожал он плечами. – А вы что забыли в Зеленем Бору?

– У меня там дача, – отозвалась Зоя Григорьевна. – Вот едем подышать свежим воздухом да забрать яблоки. Скоро морозы ударят, а у меня там четыре корзины зимних яблок и груш.

Надо сказать, что насчет яблок и груш она сказала чистую правду. Мы приехали на дачу, слегка смахивающую на небольшой загородный дворец, утопающий в высоких елях. Первое, что я помню, – крепкий яблочный дух, который ударил в нос, едва только мы переступили порог. На плиточном, черно-белом полу террасы стояли четыре большущих корзины, наполненных желтыми и бордовыми яблоками, рядом обнаружился и деревянный ящик с грушами.

Уж не знаю, как так получилось, но Зоя, забыв об осторожности, пригласила Петра в дом выпить чаю. Вероятно, она-то, в отличие от меня и Таи, понимала, как важно в ситуации, в которой мы оказались, иметь в друзьях водителя транспортного средства. К тому же с нами был доктор, не проронивший ни слова, пока мы ехали, которого надо было возвращать в Москву.

– Леночка, мы приехали! – немного дрожащим, быть может, от волнения, голосом заявила о своем приезде хозяйка. – Ты где?

Судя по тишине, в доме было все спокойно, где-то на верхних этажах работал телевизор. Хозяйка с доктором поднялись на второй этаж, Таисия же, взяв на себя инициативу, предложила нам с Петром последовать за ней на кухню. Просторная, теплая, с длинным столом посередине, она показалась нам просто раем. Тая поставила греться чайник.

– Понтовая база, – покачал головой Петр, оглядываясь. – Я на прошлый Новый год тусил на такой.

Я смотрела на Петра, Таисию, прислушивалась к едва раздающимся откуда-то сверху голосам и спрашивала себя, как могло случиться, что я в один день обзавелась деньгами, оружием, познакомилась со столькими людьми, да еще и попала в настоящий богатый дом! Я никогда прежде не бывала в таких домах, не была знакома с хозяевами подобных дворцов. Подумалось еще, что подобное разделение общества на богатых и бедных, которое просто резало глаза, и толкнуло моего отца заняться отстрелом хозяев таких вот хоромов. За эту работу ему, видать, хорошо платили, но, кто знает, быть может, он получал особое удовольствие, лишая их жизни. Конечно, это были мои тайные недобрые мысли, и хорошо, что люди еще не научились читать их друг у друга в сознании. Страшно даже представить себе, что подумали бы обо мне Таисия и Петр, если бы поняли, кто я такая и чем дышу. Да, господа, это зависть в самом буквальном значении этого слова. Ничто так, как бедность, не унижает человека, не делает его изгоем, ничтожеством в глазах людей успешных и богатых. Посмотрела бы я на ту же Зою Григорьевну, живи она на одну пенсию. Не уверена, что она помогла бы своей соседке, жене богатого бизнесмена Борисова. Возможно даже, увидев ее, избитой на лестнице, сказала бы: «Так тебе и надо!» А сейчас, благодаря сыну-депутату, разве ей трудно было протянуть руку помощи Лене Борисовой? Возможно, ей даже приятно заниматься локальной благотворительностью, изображая из себя ангела.

Вот такие были у меня мысли. Не совсем чистые, даже гадкие. И все это исключительно ради того, чтобы лишний раз не очаровываться никем. Даже такой, в общем-то, приятной старушкой, какой была Зоя Григорьевна.

Петр говорил о чем-то, но я не особенно прислушивалась. Таисия между тем накрыла на стол, приготовила бутерброды, которые Петр с аппетитом поедал.

– ...Я говорю ему: «Оставь мою мать в покое». А он мне: «Не лезь, щенок, не в свое дело. Она денег мне задолжала и пока не отдаст, пусть стоит на рынке, мерзнет». У нее почки больные, мне ее так жаль. Вот я и решил стать бомбилкой, в перерывах между занятиями. Трудно, конечно, но что поделаешь?

Мать, если ему верить, задолжала хозяину точки на рынке миллион двести рублей. Откуда он взял эту сумму – трудно понять. Говорит, что у нее украли товар, а она раньше была должна гораздо меньше, просто проценты набежали. Но она же торгует просто кастрюлями да сковородками на рынке.

Я вынырнула из густого облака своих мыслей, пытаюсь уловить суть сказанного Петром. Еще одна человеческая драма. Музыкант, баянист вынужден подрабатывать на старой машине, чтобы помочь матери расплатиться с хозяином товара. Интересно, кто-нибудь в этом мире счастлив?

Оказывается, я произнесла этот явно риторический вопрос вслух. И Петр немедленно замолчал. У него даже рука с бутербродом опустилась, и он как-то совсем по-взрослому вздохнул.

Внезапно наше уютное и мирное чаепитие разорвал женский крик, переходящий в затяжной стон. После него на нас откуда-то сверху словно прорвалось облако великой боли, посыпались горькие слова и фразы, смысл которых был очевиден: «Я же любила его!», «Как он мог так поступить со мной?», «Что плохого я ему сделала?», «Он забрал моих детей, где они сейчас, с кем?», «Господи, прошу тебя, помоги мне!»

И ни одного намека на сквернословие, оскорбление, словно эта женщина, святая Елена, жила в каком-то своем чистом мире, куда не проникали грязные ругательства, слова, которыми можно ранить или даже убить человека.

Потом мы услышали низкий голос доктора, и все стихло.

– Да, я сразу понял, что вы едете сюда не за свежим воздухом, – сказал Петр. Лицо его еще больше погрузнело, словно тяжелые мысли о нелегкой судьбе матери плавно перетекли в реку чужого, но не менее близкого сердцу горя. У меня возникло непреодолимое желание схватить этого мальчишку, чувствительного музыканта, за руку, что я и сделала. Сжала его теплые пальцы.

– Это не моя история, – сказала я извиняющимся голосом.

– Ее муж избил и выкинул, скотина, – вдруг произнесла Таисия, сверкнув потемневшими от злости глазами. – Наша это история, бабья. У нее муж – богатая сволочь, выставил, говорю, из квартиры чуть ли не в ночной рубашке. А Зоя Григорьевна, соседка наша, привезла ее сюда. Не думаю, Петя, что ты знаком с Борисовым, не верю в совпадения, но вижу, что душа у тебя есть, потому и говорю правду.

– Такое сплошь и рядом, – развел руками Петр. – И что теперь делать будем?

– Ты отвезешь доктора домой, мы заплатим тебе, и твое участие на этом закончится, – ответила Таисия.

– Доктора-то я отвезу, но вы не скидывайте меня со счетов. Может, и я чем могу помочь. Я хоть и музыкант, не качок какой, на меня дунешь, и я свалюсь, да и денег у меня, как вы поняли, нет, но вы во всем можете на меня положиться. Я умею хранить чужие секреты. Еще я контактный, лажу с людьми, могу добывать информацию.

– Это ты к чему? – удивилась я. – На работу к нам хочешь устроиться?

– Да нет, просто, – растерялся Петр, которого я как-то уж слишком резко оборвала.

– Да и чем тут поможешь?

– Как – чем? – оживился наш баянист. – Насколько я понимаю, ваша подруга или соседка хочет вернуть детей. Возраст детей?

– Малыши совсем, два и три года.

– Отлично! Я бы мог, к примеру, украсть их. Я не трус! Я вообще ничего не боюсь. Думаю, ее дети сейчас с няней, в таких семьях просто не может не быть няни. Они отправятся на прогулку, я выкраду детей, посажу в свою машину и привезу к вам, сюда.

– Блестящий план, – горько усмехнулась Таисия. – Но ты все равно молодец.

Послышались быстрые шаги, в кухню вошла Зоя Григорьевна, следом за ней доктор.

– Михаил Семенович, давайте уже чайку, а? Сорвали вас, привезли сюда. Давайте-давайте, не стесняйтесь. Таечка, налей, пожалуйста, Михаилу Семеновичу чаю.

Таисия принялась ухаживать за доктором. В какой-то момент я почувствовала, что движения ее стали замедляться, она как-то странно посмотрела на меня, потом глаза ее закатились, и она, не успев, к счастью, взять в руки чайник, повалилась на стул, а оттуда на пол. До сих пор не знаю, как Петру удалось подхватить ее на руки.

Молчаливый Михаил Семенович бросил вопросительный взгляд сначала на Зою, потом на меня.

– У нее обморок... Молодой человек, несите ее в комнату, на диван. Кто-нибудь может мне объяснить, что с ней?

– Зоя Григорьевна, Петр, вы вернитесь на кухню, – сказала я, испытывая страшную неловкость, – мне надо поговорить с доктором. Глаза Зои увеличились от удивления, а маленький рот даже приоткрылся.

– Хорошо, детка. Пойдем, Петя.

Доктор уложил Таю на диван, принялся осматривать ее.

– Вы хотите мне что-то сказать? – спросил меня Михаил Семенович, оттягивая нижнее веко правого глаза Таисии, словно пытаюсь заглянуть таким образом в ее душу.

– Ее изнасиловали сегодня, – шепнула я. – На работе. Я подобрала ее на улице, она была без сознания. Мы приехали к ней домой, а тут Зоя Григорьевна рассказывает, что случилось с соседкой Леной. Я и сама не понимаю, как Тая могла вот так быстро взять себя в руки и все силы бросить на ее спасение. Ее саму нужно спасать.

– А в полицию почему не обратились? – строго спросил доктор. – Кто ее изнасиловал?

– Один человек.

– Что ж, хорошо, что один. Я должен ее осмотреть. Выйдите, пожалуйста, я вас потом позову.

Я послушно вышла. На кухне мне было тяжело смотреть в глаза Зое.

– Что с ней, девочка?

– Проблемы, – уклончиво ответила я, чувствуя, как спираль событий закручивается все туже и туже.

– Если по медицинской части, Михаил Семенович поможет. Он хороший врач, толковый, знающий, опытный, к тому же умеет держать язык за зубами.

– А что он сказал по поводу Лены? – попробовала я свернуть на другую тему.

– Он сказал, что ей нужно время, чтобы прийти в себя. Он поработал немного с ее лицом, оно у нее распухло, бедняжка, потом начал задавать ей какие-то вопросы, и вот тут она сорвалась. Думаю, вы сами все слышали. Главное, сказала я ей, когда она немного успокоилась, что твои дети в безопасности. А уж как мы их тебе вернем – не твоя забота.

– Детей-то мы, может, и вернем, да только его наказать надо, – Петр просто прочел мои мысли.

– Как же его накажешь? – всплеснула руками Зоя. – У Лены нет своего жилья. Ту квартиру, где они жили семьей, в нашем доме, Борисов предусмотрительно оформил на свою мать, как и загородный дом и многое другое. У Лены как бы ничего нет, плюс она давно нигде не работает. Хотя у нее есть образование, она экономист, я знаю, мы же с ней общались. Бедная девочка...

Вернулся Михаил Семенович. Странно было слышать, глядя на его непроницаемое лицо, нотки иронии.

– Зоя Григорьевна, осталось только вам да этой молодой даме сделать успокоительный укол, и ваш прекрасный дом превратится в одну большую спальню. Я прав, молодой человек?

Он улыбался одними глазами, этот чудесный доктор. Я же улыбнулась ему во всю ширину своего рта – так умиротворяюще действовало на меня его присутствие. В какой-то момент я и вовсе почувствовала себя защищенной в обществе этих милых людей – Зои, доктора и храброго Петра.

– Пристрелить его надо, собаку, – прошептала я, мысленно выпуская пули из своего (вернее, из присвоенного мною) пистолета сначала в насильника Иванова, затем в гада Борисова.

– Иди, детка, на второй этаж. Как поднимешься, сразу налево, там есть комната для гостей, увидишь там кровать, застеленную клетчатым пледом, – сказала Зоя, включая полную посудомоечную машину. – А я посплю здесь внизу, в своей комнате. Ты мне так и не расскажешь, что с Таисией?

– Думаю, она сама вам все расскажет.

Поблагодарив хозяйку за чай, я подхватила свой рюкзачок, легко поднялась наверх, открыла дверь в комнату для гостей, забралась под красное клетчатое одеяло и моментально уснула.

4. Лука

Татарочка Роза, пышнотелая молодая женщина, появилась на пороге гостиной с блюдом дымящихся бараньих котлет, и Лука, на мгновение вынырнув из черноты своего дурного настроения, потянул носом.

– Люблю твои котлеты, Розка, – сказал он, тяжело вздыхая, как человек, который рад бы порадоваться жизни, да права не имеет.

– Лука, хватит тебе уже вздыхать, найдутся твои миллионы, – Роза тряхнула черными блестящими локонами, энергично подошла к столу, за которым сидел, развалилась, Лука, и с торжественным грохотом водрузила на стол блюдо. – У тебя вон сколько людей рыщет по городу, обязательно найдут. Тебя не было в этом дворе каких-то пять минут. Ну кто за это время мог взять сумку? Кто-нибудь из этого же дома. Да если хочешь, я сама пойду, буду расспрашивать абсолютно всех, все разнюхаю, ты меня знаешь...

– Нет-нет, даже и не думай в это дело соваться! Этого еще не хватало!

– Лука! Я же хочу тебе помочь.

– Ты добрая, Розка, и красивая. И котлеты у тебя отменные. – Лука улыбнулся так, что у Розы сердце забилось быстрее. – Ты чего замуж-то не выходишь?

– Тебя жду, – она села к нему на колени, прижавшись обтянутой красным бархатом халата грудью.

– Зачем я тебе? – Лука раздвинул полы халата и вяло поцеловал Розу в ложбинку между грудями. – Жизнь у меня беспокойная. Это ты знаешь, что нет у меня этих денег, а тот боров, машину которого я обнес, этого не знает и ищет меня. Рылом своим землю роет, столько людей поднял на уши... Говоришь, хочешь поговорить с жильцами того дома, рядом с которым я бросил сумку? Да я больше чем уверен, что их всех уже опросили.

Лука вот уже сутки прятался в деревне Ледово, под Москвой, у своей старинной приятельницы Розы, женщины, преданной ему всем сердцем, и только здесь чувствовал себя в безопасности. Дом этот, крепкий, большой, хоть и в один этаж, окруженный лесом, единственная родственница Розы, тетя Рамиля, отдала за свои долги, в пору, когда занималась шубным бизнесом, да прогорела. Лука же выкупил дом у ее бывшего хозяина и вернул семье. Правда, тетя Рамиля до этого дня не дожила, зато успела отписать его своей любимой племяннице Розе. Роза содержала дом в чистоте, занималась маленьким хозяйством, состоящим из кур да кроликов, помогала Луке продавать краденое, получая свои небольшие проценты, да прятала в доме нужных ему людей.

– Лука, не мое это, конечно, дело, но люди твои... Эти ребята – Сашок, Витя, Егор... Они, вообще, знают, что в сумке?

– Мыслишь в правильном направлении. Нет, конечно. Они думают, что там дурь.

– А ты как узнал, что деньги в машине оставят? И депутат этот твой... Он что, лох? Как можно оставлять такие деньжищи в машине?

– Он собирался купить одну гостиницу в центре Москвы стоимостью десять лимонов у вдовы одного моего приятеля. Я потолковал с ней, и мы договорились, что если я найду ей покупателя, то она опустит цену до шести лимонов и продаст эту гостиницу только за наличные. И чтобы она не теряла свои четыре лимона, я обещал отжать у одного священнослужителя кусок земли под застройку коттеджного поселка, у меня имеется одна схема... Короче, я через одного человечка подкинул депутату идею...

– Как тебе удается проворачивать такие дела, Лука?

– На это уходят силы и время, Роза. Не все так просто. К примеру, на этот так называемый проект у меня ушло почти четыре месяца! Я должен был все разыграть четко, с привле-

чением людей, которые меня не знают и никогда не узнают. И самым трудным было заинтересовать этого депутата в покупке гостиницы, остальное же, связанное с вдовой моего товарища, священнослужителем с его землей и даже организацией звонка депутату, в котором его предупредят о предстоящем обыске его кабинета, было просто делом времени. Перепуганный насмерть депутат оставил сумку с деньгами в машине буквально на четверть часа...

– В интернете пишут, что сумку украли из «Ламборджини», потом где-то написали, что из стареньких «Жигулей»... А где на самом деле были деньги?

– В «Ламборджини» его жены. Она знала, что там были деньги, но ее самой там не было. Депутат был за рулем, но когда ему сообщили, что собираются опечатать его кабинет, он рванул оттуда, позвонил жене, чтобы она срочно приезжала на Цветной бульвар, села в машину и сидела, ждала его. Она вернулась, смотрит, стекло разбито, сумки с бабосами нет... Вокруг уже собралась толпа, понаехали менты, появились свидетели, как я потом узнал, которые показали, куда я побежал... Я должен был сесть в машину и уехать, да в подворотне, где я ее оставил, застрял мусоровоз, я должен был бежать... И тогда я решил спрятать сумку за мусорные баки, буквально на несколько минут, а сам рванул в соседний двор... Там за мной погналась собака, ротвейлер, которого выгуливал один бивень, как нарочно...

– А может, ты двор перепутал?

– Ну да, я же идиот! Роза, ты чего?! И вообще, принеси еще водки.

В кармане Луки заиграл телефон, он нервно выдернул его, посмотрел и швырнул на стол.

– Кто? Стелла твоя? – тонкие черные брови Розы нахмурились.

Лука грязно выругался. Но Роза была права, угадала – звонила действительно Стелла. Баба красивая, но бестолковая. Тот, кто наградил ее красотой, считал Лука, вынул из ее красивой головы весь мозг.

– Она знает? – осторожно спросила Роза.

– Нет. Она знает только, как пользоваться банкоматом да мужиками. Все – на большее ее не хватает.

– Я видела ее как-то по телевизору, она крем рекламировала. Очень красивая. Мне до нее далеко...

– Это ей до тебя далеко, – Лука схватил Розу за шею и притянул к себе, больно впился горячими и горькими от водки губами в ее губы. – Ты хорошая.

– Отпусти меня, Лука, в Москву. Я попробую его найти. Может, это какой-нибудь пенсионер, который увидел тебя в окно... Позволь мне помочь тебе.

– Потом поговорим... Иди лучше сюда, ко мне...

5. Таисия

Нож вошел в его грудь, как в масло. Словно там не было грудной клетки с твердыми костями, ребрами. Просто утонул, прошел легко сквозь мягкую кожу, и сразу же из разреза хлынула кровь, да так много, что она просто залила всю белую рубашку человека, которого она знала только по фамилии Иванов. Потом фонтаном брызнула кровь из его отвратительного лягушачьего рта, и он рухнул на ковер гримерной.

Он умер, она поняла это, когда увидела его неподвижное лицо с открытыми глазами. Вот только его смерть не принесла ей удовлетворения, спокойствия. Она и сама не ожидала, что такая кровожадная и что смерть ее личного врага не уравновесит причиненное ей унижение и боль.

Она стояла одна, в гримерке, под ногами хлюпала теплая кровь, стены тоже были забрызганы кровью, и даже по ее лицу струилась теплая, соленая кровь...

Она открыла глаза. Сердце под одеялом стучало, словно колеса поезда о рельсы. Быстро, ритмично и страшно, как-то неотвратимо, словно она сама мчалась навстречу беде. Пот струился по вискам, и это движение влаги по коже и было источником ее кровавых сновидений.

Она заплакала. Иванов был жив. Он по-прежнему заседал в уютном кабинете Миши и подсчитывал деньги. Некогда прекрасный, с хорошей репутацией, ресторан, созданный с любовью Мишей и его родителями, превращался в адское скопище таких же моральных уродов, как и сам Иванов, и где изысканные или ностальгические блюда, созданные в угоду гостям, и прекрасная, тщательно подобранная музыка, вызывавшая приятные воспоминания, уступили место картам, наркотикам и разврату...

И словно ничего не произошло. Иванов с его людьми, которые помогли ему отжать ресторан, оставались безнаказанными. И нет, получается, никакой силы, которая бы смогла уравновесить это зло, вернуть Мишу...

О Мише было вспоминать особенно больно. Вот когда он был рядом с ней, когда она говорила с ним, обсуждая свой репертуар или же придумывая новые концертные наряды, она как-то особенно и не ценила его присутствие в своей жизни, однако всегда чувствовала себя защищенной. Но после того как он исчез, как его убили (в чем она нисколько не сомневалась), ее жизнь опустела, а сейчас и вовсе находилась под угрозой. Иванову ничего не стоит узнать ее адрес, приехать к ней и сделать с ней все что угодно. Но эти мысли пришли к ней почему-то только сейчас, с большим опозданием. Ведь этот человек, дьявол, надругался над ней в гримерной явно не ради того, чтобы получить удовольствие от самого акта. Он мог бы получить свою мужскую радость с более молодой и красивой девушкой. Однако ему, вероятно, доставляло большее, особое наслаждение унижить женщину, которой дорожил бывший хозяин «Преферанса», и именно этот факт сыграл решающую роль, когда он начал срывать с нее одежду... Быть может, он думал, что она любовница Миши (и что только сделал ему Миша, чем так насолил этому Иванову, какие отношения их связывали или, наоборот, не связывали, а являлись предметом острого конфликта?). И что помешает ему сделать это еще и еще раз? А она так легкомысленно пригласила пожить к себе Виолетту...

Надо бы предупредить ее, все объяснить, но так, чтобы та, не дай бог, не подумала, что она хочет с ней расстаться. Хорошо бы им, попавшим в положение, при котором надо скрываться, спрятаться где-нибудь вместе. Дача Зои Григорьевны в том плане – просто идеальное место.

По дому кто-то ходил. Тихо, оберегая тишину. Кто? Кому не спалось? Виолетте или Зое Григорьевне? А может, Лене? Три травмированные молодые особы, которых Зоя Григорьевна взяла под свое крыло. Что станет с ними дальше? Как сложится их судьба? Найдет ли

Виолетту ее парень, которому она изменила и который пообещал ее за это убить? Насколько серьезны его угрозы? Зависит от того, кто он, что за человек.

А Лена? Ей вряд ли удастся вернуть себе детей. Это практически невозможно. Самой бы спастись, чтобы Борисов не убил ее или не покалечил. Грубый, невоспитанный, гнилой человек. Вернее, вообще нечеловек. И как это только судьба сводит таких разных людей: нежную и умную Лену с этим зверем?

Таисия протянула руку и включила лампу, села на кровати, обняла свои плечи руками. Шаги приблизились к самой ее двери, и она услышала тихое:

– Тая, ты спишь?

Это была Виолетта.

– Нет, не сплю, заходи!

Виолетта, запахнутая в длинный теплый халат Зои, впорхнула в комнату с видом человека, которого долгое время держали за дверью и вот, наконец, выпустили.

– Что, Виолетта, бессонница мучает?

– Мучает, – вздохнула совсем по-детски, нежно Виолетта.

– Садись ко мне на кровать. Будем вместе прогонять бессонницу. Ты чего не спишь? Боишься своего парня?

– Нет. Да и парня у меня никакого нет. Я обманула тебя. Если бы парень и все такое, разве я пряталась бы? Фигня все это... У меня все посерьезней будет. Просто я не хотела втягивать тебя в это дело. Я чего не сплю-то? Все хочу сказать тебе, что мне надо уходить. И прятаться уже одной. Дело настолько опасное, что я и сама никак не могу осознать до конца, что произошло со мной... Все кажется нереальным, каким-то безумным, понимаешь? А может, я вообще сошла с ума и мне все это приснилось?!

– Господи, Виолетта, да что случилось-то?

– Я просто увидела в окно, как один парень, ну очень красивый парень, бежал через наш двор. Бросил сумку за мусорные баки и дальше побежал. Я сама не знаю, как оказалась возле этих мусорных баков, схватила сумку и вернулась домой. Через пару минут во дворе уже была полиция и все такое... Короче, этот парень удирал от полиции. Все как в кино, прикинь?!

– А что в сумке?

– Куча бабок. Очень много денег.

– Это в той самой сумке, которую ты не хотела оставлять у меня дома?

– Ну да. Я же тебя тогда совсем не знала и не могла вот так первому встречному рассказать правду. А теперь, когда я понимаю, что и у тебя тоже проблемы и ты вряд ли прирежешь меня ночью, чтобы забрать бабки, я рассказала тебе все, как есть.

– И много денег?

– Говорю же – огромные деньги. Миллионы евро.

Таисия улыбнулась. С облегчением вздохнула.

– Фу ты, испугала меня... – она, шутя, оттолкнула от себя Виолетту. – А я уж и уши развесила, слушаю тебя...

– Понятно, – Виолетта вся подобралась, как зверек, уложив подбородок на колени, и уставилась в одну точку. Замолчала.

– Чего тебе понятно?

Но она продолжала молчать. Поверить в сказанное ею было невозможно. Бред какой-то. Двор, мусорные баки, миллионы евро...

– Ты еще скажи, что они настоящие.

– А на что я, интересно, покупала колбасу? Пошла в обменник, поменяла пятьсот евро... Дрожала, правда, очень боялась, что купюры фальшивые... Ты бы видела меня, я

постоянно оглядывалась на дверь, чтобы, если что, убежать... Кассирша проверила купюру, разменяла мне деньги, и все! Они настоящие!

– Нет, ты что, серьезно?

– Если не веришь, можем прямо сейчас поехать к тебе, и ты увидишь все своими глазами.

– Но тогда почему ты возишься со мной? Почему не сбежишь из Москвы, из страны?

– Но я же тебя встретила! К тому же не знаю, как ты, а я вот намерена поквитаться за тебя с твоим этим новым шефом-бандитом. А еще, я так понимаю, было бы неплохо найти Мишу. Ты вот говоришь, что его убили. А что, если он живой?

– Но как это узнать?

– Да проще простого! Заманить этого Иванова в укромное местечко и выпытать у него правду.

– Виолетта, по-моему, ты страшная фантазерка!

Таисия уже запуталась и не могла взять в толк, серьезно говорит с ней Виолетта или нет. Уж слишком все смахивало на жесткую, злую шутку.

– Вот если бы меня изнасиловали... Сорвали с меня трусы, я извиняюсь, прикоснулись ко мне, унизили... Я бы вся просто кипела от злости. А ты? Ты? Тебя точно изнасиловали или ты все это придумала?

– Да ты сбрендил!!! – рассердилась Таисия. – Конечно, это чистая правда!

– Тогда как же ты могла вот так сразу, после того, что с тобой сделали, поехать сюда и спасти Лену?..

– Вот на этот вопрос я тебе ответить не могу, потому что и сама не знаю, откуда взялись силы... Мне показалось, что ей сейчас намного хуже, чем мне... Я уж не знаю, была ли ты когда-нибудь с мужчиной... – она сделала паузу, чтобы увидеть выражение лица Виолетты.

– Нет, не была, и страшно стыжусь этого, – неожиданно призналась Виолетта.

– А... Тогда понятно. Просто для женщины этот акт... ну, если это, конечно, не насилие, словом, обыкновенное дело... Я хочу сказать, что это не больно... Со мной все это произошло за какие-то пять-десять минут, и страдала я скорее от отвращения, этой мерзости... ну, ты, я думаю, поняла... Конечно, он применил силу, навалился на меня, разбил мне губу... Я так тебе скажу: даже если он меня бы просто ударил по лицу и этим бы дело ограничилось, то, думаю, мне и этого было бы достаточно, чтобы потерять сознание.

– Понятно... Просто я думала, что изнасиловать – это очень больно, это как после операции... Ладно, проехали.

– Постой. Ты серьезно... об этих миллионах евро?

– Ну да. Если не веришь, можем прямо сейчас поехать, и ты увидишь все своими глазами. Если же у тебя глаза загорятся и ты захочешь забрать их у меня, сразу скажи, я тебе и так все отдам...

– Виолетта, ты дура, что ли? Во-первых, я не захочу их у тебя отобрать, а во-вторых, не будь такой наивной и доверчивой и никому больше не рассказывай об этих деньгах. Так нельзя.

– Ну ладно. Заметано. Так что будем делать? За кого начнем мстить? Да, забыла тебе сказать, у меня же пистолет есть. Настоящий. Может, он и заряжен.

– Да, ты говорила. Так, говоришь, хочешь отомстить за всех за нас? – Таисия улыбнулась. Нет, определенно эта Виолетта вызывала исключительно положительные эмоции.

– Ну да! Вот только надо бы это сделать по-умному. Прострелить яйца Борисову или твоему Иванову – это не месть. Надо же все сделать так, чтобы не было последствий и чтобы с выгодой, с пользой для вас. К примеру, ты бы хотела, чтобы вернулся Миша и ты получила свою работу?

– Шутишь? Конечно...

– Значит, надо бы сначала разыскать Мишу, а потом устроить так, чтобы Иванов вернул ему ресторан. Чтобы был документ. Ну, то есть проверить все примерно так, как это сделал он сам с Мишей. А для этого нам нужен юрист, адвокат. У тебя есть на примете такой? Чтобы молчал, чтобы ему можно было довериться.

– Есть. Это один мой очень хороший знакомый, один из постоянных гостей нашего ресторана... Евгений Александрович Лазарев, – оживилась Тая. – Ты предлагаешь обратиться к нему, чтобы тот подготовил договор купли-продажи ресторана?

– Конечно!

– Но это не так просто... Во-первых, надо знать все об этом объекте, то есть собрать все документы о праве собственности, техническую, финансовую документацию... Иначе невозможно будет составить договор купли-продажи...

– ...или дарения! – улыбнулась Виолетта. – Так? Вот! Пусть этот Иванов подарит твоему Мише этот ресторан обратно или же, если мы его не найдем, тебе! Думаю, это будет справедливо. Да и вообще, с Мишей надо бы разобраться... Почему именно у него отобрали ресторан? Что связывает его с Ивановым? Ох, что-то подсказывает мне, что нужен не только юрист, но и человек из другого круга, дальнего, порочного круга... – она загадочно посмотрела на Таисию и прикусила губу. – Ты понимаешь, о чем я?

– Человек из криминального мира?

– Ну да. У меня полно таких знакомых. Да только их трудно будет найти.

– Виолетта, не пугай меня. Ты вообще кто?

– Нет, ты не бойся... просто у меня родители были... ммм... мягко говоря, неблагополучные. Но их уже нет в живых. Но кое-кто остался... Короче, этим вопросом займусь я сама.

– Ты хочешь сказать, что найдешь человека, который мог бы знать об Иванове и его связи с Мишей?

– Примерно такая схема. Но если ты не согласна, я готова выслушать твое мнение.

– Да ты, я вижу, рвешься в бой!

– Понимаешь, не знаю, что будет завтра, может, меня вычислят, схватят, поймают, пристрелят, отберут деньги, но пока мы богаты, мы сможем кое-что успеть...

– Ты отчаянная... Ладно, я поняла тебя. Итак, нам нужен адвокат. Это я беру на себя. Лазарев – как раз то, что нужно. Но он дорогой адвокат. Со связями и возможностями.

– Так это еще лучше! Думаю, у него есть и свои доверенные люди среди нотариусов. А это означает, что они могут пробить по своей нотариальной базе, где и кем был составлен этот, между нами говоря, липовый договор. Ты же не допускаешь мысли, что Иванов с Мишей договорились, оба приперлись к нотариусу, где Миша отдал ему ресторан.

– В такое трудно поверить...

– Я понимаю, о чем ты. Разве что под дулом пистолета, так?

– Ну, примерно так.

– Вот и славно. Если у твоего Лазарева есть свой нотариус, в чем я абсолютно уверена, то уж у этого Иванова – безусловно! Да и вообще, видно, что это тертый калач, бандит, и что за ним стоят непростые люди, которым он отстегивает... Схема элементарная.

– Итак... – Таисия едва сдерживала улыбку. – С чего мы начнем?

– Пункт первый – Лазарев. Второй – нотариус. Третий – оформление договора. Четвертый – жестокая пытка Иванова с отрезанием яиц и принудительный акт дарения тебе ресторана. Потом мы его просто пристрелим.

– Ты серьезно?

– Ну да. А что такого? Может, ты пожалеешь его? Или тебе понравилось то, как он делал это с тобой, может, ты вообще в него влюбилась? – Она скривила свои тоненькие губки с усмешку. «Боже, – подумала Тая, – да она совсем ребенок!»

– Тая... – прервала ее мысли Виолетта, моментально став невероятно серьезной. – А я ведь знаю, о чем ты подумала... Что я – малолетняя идиотка, да? Что не смогу прибить Иванова? Но тогда какой смысл во всех этих разговорах? Или ты думаешь, что мне некуда деть мои деньги? Да-да, ты не ослышалась – мои. Это ворованные деньги, принадлежащие какому-то там депутату... Колоссальная сумма наличных. Разве у депутата может быть столько наличных? Это грязные деньги, понимаешь. Уж я-то кое-что смыслю в таких делах. Мой отец был известным киллером. Да, да, я не шучу!

Тая вдруг с отчаянием подумала, что Виолетта не в себе. Что это просто маленькая сумасшедшая. Чтобы проверить это, достаточно только вернуться домой и заглянуть в сумку. Если там деньги, настоящие и в огромном количестве, значит, каждое сказанное этой девочкой слово – чистая правда. И тогда у них появится реальный шанс отомстить Иванову и вернуть себе ресторан. Она права, при хорошем раскладе, когда он вернет ресторан (Мише ли, или ей), его нельзя будет оставлять в живых. И вот тут-то она спросила себя, готова ли она дать отмашку на отстрел негодяя...

– Тая? Ты в порядке? – Виолетта тронула ее за плечо. – Ты чего замолчала-то? Не веришь мне? Как хочешь... Я могу прямо сейчас оставить всех вас здесь одних, живите как хотите... Мне-то что до ваших проблем? Просто я думала, что мы... ну... как бы все вместе, солидарность и все такое. Я хотела помочь вам. Но если ты не веришь мне, то можно представить себе, какотреагирует на мое предложение прибить Борисова твоя соседка Лена! Я ее вообще еще не видела и не слышала...

– Послушай, Виолетта, меня внимательно. Я ни в коем случае не допускаю мысли, что ты просто издеваешься надо мной, над моей бедой и проблемами. Но мне трудно поверить в то, что ты, скажем, дочка известного киллера и что ты нашла кучу денег за мусорными баками...

– Тебе доказать?

– Ну, докажи, – как-то не очень-то уверенно проговорила Тая.

– Хорошо. Тогда поехали. Ты готова?

«Почему бы и нет», – подумала Таисия.

– Я спрашиваю тебя – ты готова? – стараясь придать твердость своему голосу, повторила свой вопрос Виолетта.

– Да, готова.

– Тогда собирайся. Я позвоню сейчас Петру, нашему баянисту, и попрошу его приехать за нами.

– Вот прямо сейчас, ночью, да?

– Да. Ему тем более деньги нужны. Скажу, что заплачу ему пять тысяч вместо одной тысячи, думаешь, не согласится?

– Согласится, я думаю. Но, может, подождем утра?

– Такие дела лучше всего ночью делать... Мало ли...

– Ты чего боишься?

– Да ничего я не боюсь! Сна все равно нет. Так ты едешь или нет? Мне звонить баянисту?

6. Миша

Он не знал, где находится и сколько времени прошло с тех пор, как в его кабинет ворвались люди в черных шапках с прорезями, которые оглушили его и вывезли куда-то за город.

То, что он за городом, он понял, когда очнулся и выглянул в окно. В голубоватых сумерках, в легком тумане замерли, как нарисованные тушью, полуголые деревья и кусты. А что за ними, есть ли жизнь, есть ли живая душа, способная помочь ему выбраться из дома, он не знал.

В сознании, как сгустки хрупкого пепла, сохранились фрагменты каких-то событий. Но были ли то призраки сновидений или реальных действий, он тоже не понимал.

Однако было одно чувство, одно знание, которое отравляло и без того тягостную картину происходящего: болезненное ощущение большой потери. Словно у него что-то отняли. Навсегда. И виноват в этом был только он.

А еще было очень холодно. В доме не топили, хотя утром вся поверхность земли, жухлой травы и кустов была выкрашена белесым инеем.

Что это за дом? Кому он принадлежит? Почему его здесь держат?

Чтобы не оконечеть, он, неспортивный, в общем-то, человек, решил подвигаться, размять мышцы. Но занимался от силы несколько минут, после чего сел на продавленную кровать с грязным матрасом, обхватил ладонями лицо и зарыдал.

Если бы у него был с собой телефон, он позвонил бы своим друзьям и сказал, что у него беда... Память вдруг начала возвращаться к нему неумолимо (лучше бы он ничего и не помнил, чем такое!). Господи помилуй, он продал свой ресторан. Или подарил. Какому-то типу. Какому-то совершенно незнакомому типу, которого он несколько раз видел в ресторане. Всплыла и фамилия, простая, как водка: Иванов. Иванов, и все. Как анекдот, папахивающий кровью.

Ему еще в машине сделали укол, и ему стало сразу жарко, как если бы в кровь ввели расплавленный металл. А потом они сидели в какой-то комнате с зелеными занавесками, и все вокруг казалось зеленым. Ему дали подписать документы. Много листов, очень много. Иванов был неприятным типом. Он напомнил ему одну историю. Таисия пела романсы из репертуара Изабеллы Юрьевой. Молодая, ослепительная, роскошная Таисия в черном кружевном платье, с высокой прической, сидела возле рояля, прижав к груди букет роз, и пела «Жалобно стонет ветер осенний...». Она пела так, что всем стало грустно. Она была потрясающая в тот вечер, и Миша едва сдерживал себя, чтобы не признаться ей в своих чувствах. Однако уверенный, что она его отвергнет, он так и не решился заговорить с ней...

– Познакомь меня с ней, – сказал молодой мужчина в черном костюме и белоснежной рубашке, бесцеремонно, обращаясь к нему на «ты», вломившись к нему в кабинет после представления.

– С кем? – сразу понял Миша.

– С Таисией. Ее же так зовут, твою певичку?

– Я не могу, – сказал Миша.

– Она мне примерку не открыла, а тебе откроет. Главное, чтобы мы увидели друг друга, – от него пахло алкоголем, – мы поговорим, и все решится в лучшем виде... Я ее не обижу.

– Пожалуйста, покиньте мой кабинет, – Миша встал и незаметно для посетителя нажал на кнопку экстренного вызова охраны, вмонтированную в стол. Охрана в ресторане состояла из двух крепких парней, мающихся от скуки и разевшихся в последнее время до неприличия.

Однако через мгновение посетителя уже вывели под белые ручки из кабинета. И больше он его в этот вечер не видел. Но через некоторое время к нему в ресторан пришел один маленький красноносый господин в толстом свитере, представился правой рукой господина Иванова (вот тогда-то Миша сразу же вспомнил и черный костюм с белой рубашкой, и рыжие волосы, и голубые прозрачные глаза, и большой тонкий рот, как у ящерицы) и предложил Мише продать особняк, мотивируя это тем, что он прежде принадлежал как раз этому господину, вернее, его предкам, и вот теперь во имя восстановления исторической справедливости он хотел бы его вернуть. Цена была хорошей, безусловно, да только с какой стати Миша стал бы продавать и дом, и ресторан и вместе с этими стенами – свою жизнь и мечту? А воспоминания, которые грели его и придавали сил? Миша, понятное дело, отказал. В третий раз Иванов нарисовался снова в лице своего помощника – на этот раз ему просто положили на стол фотографию со свежей могилы родителей и пририсованным фломастером нечетким гробом где-то в углу очерченного оградой участка.

– Вы что, мне угрожаете? – Миша похолодел от ужаса, глядя на приготовленное как бы для него место рядом с родителями. О подобных вещах, что с ним сейчас происходили, он только слышал от своих знакомых и друзей, такие наезды пахивали настоящим бандитизмом и смертью. Он мысленно уже начал продавать особняк, даже встретился со своим адвокатом... Но все это мысленно. Заняться же этими угрозами вплотную, реально отреагировать на них он так и не решился. Словно кто-то более смелый и сильный сдерживал его, мол, не обращай внимания, все это пустые угрозы, не смей людей и живи себе спокойно. На самом деле, мало ли кто может положить глаз на его ресторан?

Быть может, это его отношение к внезапно возникшей проблеме, это кажущееся легкомыслие были связаны с тем первым визитом капризного посетителя, пожелавшего добиться Таисии? Желавших познакомиться с ней поближе, или даже проводить ее, было больше чем достаточно. Но все эти ее поклонники были людьми, как правило, достойными, уважаемыми и позволяли себе слабость лишь под воздействием алкоголя, о чем потом жалели и после всегда извинялись перед Мишей, оберегавшим ее покой и безопасность. С самой Таисией никому не позволено было близко общаться, ее поклонники ограничивались цветами, письмами, записками. За этим строго следили охранники, но чаще всего ее провожал до такси он сам, Миша Зелькин, влюбленный в нее по уши, каждый вечер с замиранием сердца наблюдающий за ней со своего места за бархатной портьерой и мечтающий о ней до дрожи в коленях...

Невысокий, плотного сложения брюнет с приятными чертами лица, мягким голосом и превосходными манерами, он, по мнению его родителей и друзей семьи, должен был родиться на два века раньше, когда понятие чести было не пустым звуком, а делало мужчину мужчиной, да и отношения в обществе были простыми, ясными и более правильными. К тому же в то далекое и прекрасное время и темп жизни был медленнее, что соответствовало темпераменту Миши, и стихи с романсами, которые он так любил, в то время почитались. Словом, Миша Зелькин явно промахнулся, родившись в безумное, наполненное суетой и автоматизацией время, а потому он всегда как бы притормаживал, а иногда и вовсе входил в ступор, не зная, как себя вести. Так случилось и в этот раз, когда он не смог вовремя и правильно отреагировать на угрозы Иванова...

Родители Миши, как это ни странно, казалось бы, старшее поколение и одной с ним крови, напротив, чувствовали себя в современном мире весьма уверенно. Особенно отец, обладающий даром предпринимательства и умеющий находить для дружбы полезных и приятных в общении людей. Потихоньку перепродавая московскую недвижимость, находя лазейки в законодательстве, позволяющие присвоить себе государственные или, как он любил выражаться, «ничейные» объекты собственности, подкупая нужных ему людей среди чиновников и одаривая подарками и обещаниями простодушных собственников «битых»

квартир поближе к Тверской, он сколотил приличное состояние, что позволило ему воплотить в жизнь свою давнюю мечту – выкупить понравившийся ему старинный особняк и превратить его в игорный клуб. Слабо представляя себе, однако, сам процесс устройства ресторана, его внутреннюю жизнь и законы, он сначала поручил заниматься всем этим жене, особе артистической и обладающей огромным количеством знакомых и друзей, а потому как бы априори отвечающей за клиентуру, и она слегка растерялась. И тут словно вмешалась сама жизнь, расставившая все по своим местам. Травма кисти, случившаяся у Миши, подающего надежды скрипача, убив его будущее музыканта, сделала его как-то легко, словно в нем этот талант спал и ждал своего часа, ресторатором. Он оказался неплохим проектировщиком, дизайнером, сумел привлечь к своему ресторану хороших поваров, набрал штат официантов и открыл ресторан. Любовь к музыке в сочетании с талантливо задуманным маркетинговым ходом, связанным с использованием всех своих знаний и пристрастий, а также вкуса своих родителей и их друзей, помогла ему полностью реализоваться и в той сфере. Так появился ретроресторан с живой музыкой, украшением которого стала прекрасная его находка – молодая женщина с редким именем Таисия...

Скрип открываемой двери показался ему громом небесным – до того глубоко провалился он в свои воспоминания, что вынырнув, чуть не умер от неожиданности.

Он увидел высокого парня в куртке-алюске – за плечами торчал рыжий мех.

– Ты жив, Мишаня? – Парень широко улыбнулся, показывая ровные белые зубы. – Свечку мне поставишь, когда в храме будешь.

Где-то он уже видел эту улыбку, эту куртку. Эти синие глаза.

– Мы знакомы?

– Не то слово! – парень хохотнул. – Вообще-то, я должен был тебя как бы отправить на тот свет. Да только я врач, а не убийца. Но мне за тебя хорошо заплатили, а деньги мне сейчас, ох, как нужны. Короче, я отвезу тебя в Москву, по дороге поговорим, хорошо?

– Но я же вас знаю... Вы бывали в моем ресторане?

– Бывал, и не раз... Но дело сейчас не в ресторане. Поехали... Вот, возьми пока мою куртку, чтобы дойти до машины, а то ты, я вижу, совсем продрог.

Миша вышел за ним на улицу, с неба падала невидимая снежная крупа, мягко касаясь куртки. Рядом с домом, в котором он провел неизвестное время, домом с решетчатыми окнами и высоким крыльцом, стоял большой черный джип.

– Садись скорее. Пока не передумал!

Миша послушно сел на заднее сиденье и обнял себя за плечи, все еще не веря в охватившее его тепло. Он сразу почувствовал, как лицо его, щеки стали наливаться теплой кровью. Он уже не умрет, ему помогли, его оставили в живых!

– Кто такой Иванов?

– Олежек-то? Один очень нехороший человек, возомнивший себя этаким волшебником Гудвином. У него и кличка такая – Гудвин. Ему понравился твой ресторан, он решил его сначала купить у тебя, чтобы устроить там подпольное казино, благо что места там полно, и хорошие подвалы, которые можно переоборудовать в игровые залы... И место классное, тихое и вместе с тем центр! А ты не согласился. Он узнал, что за тобой никого нет, сначала помог отправиться на тот свет твоим родителям, потом принялся за тебя...

– Кажется. Я подписывал какие-то документы...

– Да, мы накачали тебя кое-чем, и ты все подписал... Да еще в присутствии нотариуса, – улыбка «доктора» была искусственной, какой-то даже злой.

– Вы вроде неплохой парень... Почему согласились помогать ему?

– Он пообещал мне отжать стоматологическую клинику в Крылатском. Там хозяин умер, осталась только его вдова с маленькими детьми... С ней он собирался договориться путем угроз, считая, что она все подпишет, лишь бы ее с детьми оставили в покое...

– Я думал, эти времена уже в прошлом...

– Я тоже так думал. Да только Олежка застрял со своими представлениями и принципами где-то между девяностыми и нашими днями. Сколотив себе капитал на алмазах, будучи чиновником в одном весьма плодородном на эти камушки крае, он возомнил себя человеком с безграничными возможностями, придумал прошлое своей семье, купив какой-то там титул и все такое, и вот нашел твой особняк, решив, что он по праву принадлежит ему. Я понимаю, конечно, мы, мужики, до самой смерти остаемся мальчишками и любим поиграть в разные игры... Но вот Олежка заигрался. Решил во что бы то ни стало забрать себе особняк, да вместе с ним и твой бизнес. Он понял, что ты человек слабый, что родители твои – не бойцы, что за спиной у тебя никого нет, кроме маразматиков-пенсионеров, бывших чинуш, которым некуда девать свои наворованные у государства денежки, вот он и решил, что получит все, что хочет, не особенно-то напрягаясь. Я лично совершенно случайно оказался в его команде, просто задолжал деньги, и один мой друг решил помочь мне, сведя с Олегом. Я оказывал ему кое-какие медицинские услуги, пока не понял, что давно уже отработал все, что он мне дал, чем помог, и что теперь это он мне должен... Короче, он приказал мне сделать тебе инъекцию... Но, как видишь, я не смог. Вместо тебя похоронил ящик из-под бананов, чтобы холмик был, тебя спрятал в этом старом складе, отправил ему фотографию тебя, как бы мертвого (я сделал снимок, когда ты крепко спал), и теперь спешу в аэропорт, чтобы как можно скорее покинуть весь это кошмар, хаос и распрощаться со своим прошлым. У меня есть деньги, паспорт на другое имя и весь мир, что называется, в кармане.

– Значит, я должен поблагодарить вас... – Миша едва разлепил губы. – Но он же снова найдет меня и тогда уже наверняка убьет...

– Ты должен спрятаться, Мишаня. У тебя друзья есть?

– Да я теперь и не уверен, что хочу, чтобы кто-нибудь из них меня увидел... Люди меняются... Да к тому же мне не хотелось бы доставлять им неприятности.

– Тебе надо, по-хорошему, либо обратиться в полицию и доказать, что тебя заставили поставить подпись на документах, в частности на договоре продажи ресторана. Или же, если не чувствуешь в себе силы бороться, бежать, Миша, и как можно дальше...

– Скажите, мои родители... авария... Это он подстроил?

– Думаю, да. Уж слишком ты его разозлил однажды, когда дал понять, что та женщина, которая у тебя поет, Таисия, кажется, не его поля ягода... Он привык брать все, что хочет.

Миша посмотрел на проплывающие мимо затуманенные высокие ели, тусклые зеркала маленьких озер с отраженным в них темнеющим небом, и почувствовал, как по щеке его потекли теплые, как кровь, слезы.

Как это – бежать? У него отобрали все самое дорогое, что было в его жизни, – родителей, ресторан и, возможно, Таисию...

– А что с Тасисей, не знаете? – он замер, не готовый выслушать правду и уже успевший пожалеть о своем вопросе.

– Нет, я не знаю... Но смею предположить, что она уже не работает в ресторане. Во всяком случае, с ее репертуаром там сейчас делать нечего.

Миша снова мысленно отправился в полицию и начал уже было писать заявление, как понял, что наступила ночь и они вторглись в сверкающую громаду Москвы.

– Так куда тебя отвезти-то? Надумал?

– Да, мне в мой ресторан.

7. Виолетта

Конечно, она только делала вид, что верит мне. На самом деле ее лицо выражало крайнюю степень недоверия и даже изумления. Такие странные события случаются, как правило, ночью, когда нереальные, удивительные вещи воспринимаются иначе, когда сознание словно находится на сверкающей грани между сном и явью. Думаю, что именно в таком состоянии моя Таисия согласилась помчаться со мной в Москву, чтобы проверить содержимое моей волшебной сумки.

Осознавала ли она, что наш отъезд не сможет остаться незамеченным Зоей Григорьевной, женщиной, как мы потом поняли, с чутким, хрупким сном. Думаю, что о ней она меньше всего думала. Да и о Лене мы как-то подзабыли. Я-то точно, потому что мы с ней не были знакомы, и я воспринимала ее как героиню телесериала – уж не знаю, почему именно так. Хотя, что же тут удивляться, если у меня своих проблем было хоть отбавляй. Это в Зеленом Бору, в доме Зои, я могла бы еще чувствовать себя более-менее спокойно, не боясь, что меня разыщут люди Луки. А в самом городе, я была в этом уверена, опасность подстерегала меня на каждом шагу. Хотя квартира Таисии тоже поначалу была моим тихим прибежищем, если бы не слова, сказанные мне на кухне, где мы после звонка баянисту ждали его приезда за горячим кофе.

– Хочешь сказать, что не уверена, что этот Иванов оставит тебя в покое? – у меня прямо сердце остановилось. – Но зачем ты ему?

– Думаю, что дело не во мне, а в его желании обладать всем тем, чем обладал Миша. Может, у них какая-то вражда, или между Мишиными родителями и родителями Иванова... Но все это лишь мои предположения, как ты понимаешь. Вполне возможно, что я просто накручиваю себя, боюсь, понимаешь... Но и не сказать тебе о своих опасениях я тоже не могу. А теперь, – она понизила голос, склонившись ко мне, – когда ты сообщила мне, что находится в твоей сумке, если ты не сочиняешь, конечно, не разыгрываешь меня... Не смотри на меня так... История-то фантастическая! Так вот, когда ты мне все это рассказала, я теперь чувствую ответственность за твою сумку, за тебя...

– Давай предположим, что этот твой Иванов...

– Да никакой он не мой! – взорвалась Таисия, и я показала ей кулак, мол, чего орешь-то? – Не мой...

– Да я так просто... Итак. Предположим, что он захотел тебя снова увидеть, приехал к тебе, позвонил в дверь. Думаешь, он не мог бы определить, дома ты или нет?

– Да откуда мне знать? Вдруг он решит открыть дверь, взломать, к примеру?

– Хорошо. Только без паники. Вот он взломал дверь (в чем я, конечно же, сомневаюсь, среди бела дня, на глазах у соседей, бред!), вошел в квартиру, не обнаружил там тебя, и что? Думаешь, он станет грабить тебя? Он, человек, у которого теперь есть такой ресторанчик?! Таечка, дорогая, разве ты не понимаешь, что все, что мы с тобой только что придумали, – абсурд! И в твоей квартире никого нет!

– Хорошо бы... Допивай кофе...

Мы совсем не удивились, когда в кухню вошла, щурясь от света, Зоя Григорьевна.

– Мы разбудили вас, – развела руками Тая. – Вы уж извините, но нам нужно срочно поехать в Москву, кажется, я там оставила включенными электроприборы...

– Ба! Ничего себе?! И ты только что вспомнила? Давай я позвоню соседке и спрошу ее, все ли в нашем подъезде в порядке? Хотя... Пойдите... Если бы что-то было, то она давно бы уже мне позвонила... Но если душа у тебя не спокойна, то лучше, конечно, поехать. Вы такси вызвали?

– Нет-нет, мы позвонили своему знакомому...

– Пете? – улыбнулась Зоя, кутаясь в теплую шаль.

– Ну да.

– Хороший мальчик.

– А что с Леной? – спросила я. – Как она себя чувствует?

– Она не спит, я проходила мимо ее комнаты и видела свет... Сейчас вернусь к ней, попробую успокоить ее...

– У меня дядя адвокат, он может помочь ей, реально, – сказала я. – У нас с Таей и план есть.

– План – это замечательно. Да только я не верю в положительный исход дела... Вообще не представляю себе, что ей делать дальше. Нет, она сможет пожить у меня столько, сколько потребуется...

– Нет-нет, – вдруг поддержала меня Таисия. – Мы заберем ее и сами займемся ее делами. Виолетта правильно сказала, у нас есть план, к тому же опытный хороший адвокат, который знает больше нашего, поэтому доверимся ему, а там видно будет...

Сказанное ею, сляпанное наспех, выглядело коряво, однако как грело мое сердце!

– ...Понимаете, кто-то может сказать Борисову, что вас с Леной видели вместе... А вам зачем эти сложности? – добавила она неожиданно.

– Да не боюсь я Борисова! – гневно воскликнула Зоя и тут же осеклась, прижала ладошкой рот, косясь на дверь, за которой где-то в глубине дома мучилась бессонницей пока еще незнакомая мне Лена. – Вот еще! Просто я хотела подключить к этому делу своего сына...

– У него и так полно забот, все-таки он государственный человек... – Таисия не смогла скрыть иронии. – Думаю, что вопрос о ее проживании решится сегодня днем или ближе к вечеру, да, Виолетта?

– Да, – сказала я, имея самое смутное представление, куда же мы поселим нашу Лену. Разве что снимем квартиру, где спрячемся все втроем от наших проблем, и будем уже действовать, проживая там, на нейтральной территории.

Мы увидели в окно, как ворота и часть двора позолотились мечущимся светом фар – приехал Петр. Зоя Григорьевна бросилась ему открывать. Вскоре послышались быстрые шаги, и на пороге появился заспанный, с испуганным взглядом баянист.

– Что случилось? – спросил он, оглядывая нас, словно кто-то из нас должен был быть по крайней мере раненым.

– Отвези нас, пожалуйста, в Москву, – ответила я, поскольку это именно я инициировала нашу ночную поездку и тем самым перебудила весь дом. – Надо.

– Ничего не случилось, Петя, – ласково обращаясь к нему, как к ребенку, сказала Зоя. – Просто девочкам не спится, их на приключения потянуло.

Таисия удивленно посмотрела на нее, но комментировать не стала. Я – тем более.

– Ты так быстро приехал, думаю, даже кофе еще не пил. Садись, выпей горяченького, – предложила я.

Петр развел руками, сел, принял из моих рук чашку кофе.

– Тебе с молоком?

Было три часа ночи, когда мы въехали во двор дома, в котором жила Таисия. Окна дома были темные – все жильцы спали.

– Не могу предположить, чтобы на твоей лестничной клетке дежурили люди Иванова, – шепнула я Таисии, когда мы втроем (Петра мы взяли в качестве охраны, о чем он даже не подозревал) стали подниматься на второй этаж, где располагалась ее квартира.

– Вы, конспираторы, – не выдержал Петр, молчавший всю дорогу, – может, расскажете уже, что вообще происходит?

– Ко мне один тип пристаёт, – сказала Таисия. – Никак не могу от него отвязаться. Вот и прячусь.

Зачем она это сказала, не понимаю. Разве что она увидела в нем потенциального помощника, защитника, единственного мужчину из нашей стихийно сложившейся компании, наконец. К тому же весьма ответственного и исполнительного.

– А... Ну тогда все ясно. То есть если что, надо будет кому-то дать в морду, так? – спросил он, понизив голос, словно это могло придать ему мужественности или физической силы. Ему, баянисту!

– А ты что, драться умеешь? – улыбнулась Таисия, подходя к своей двери.

Лестничная клетка была ярко освещена, поэтому наши с ней страхи, как мне тогда показалось, отступили. Ну, какие еще бандиты в квартире или рядом? Да чепуха все это!

Тая достала ключи и открыла дверь, за ней оказалась еще одна. Незапертая.

– Мне кажется или я ее запирала? – спросила она, оглядываясь на меня, стоящую плотно за ее спиной.

Я пожала плечами.

Таисия вошла, нащупала рукой выключатель. Вспыхнул свет, и мы втроем вошли в ее квартиру.

– У тебя тут тепло, – сказала я, расстегивая куртку.

– Тсс... – она схватила меня за руку и больно стиснула ее. Я проследила за ее взглядом – она как бы указывала мне на стоящие возле порога залепленные грязью мокрые мужские черные туфли.

Я повернула голову и увидела профиль Пети, его пылающие нежным румянцем щеки, покрытые золотистым пушком, и раздувающиеся ноздри. Кажется, и он тоже заметил, что мы в квартире не одни.

– Тая, это я, Миша, – услышали мы слабый голос из темноты. – Не бойся.

Я почувствовала, как страх коснулся корней моих волос, меня словно пробило током.

Таисия же, напротив, узнав знакомый голос и поверив в него, бросилась в эту самую темноту комнаты, откуда тотчас послышались горький вскрик и причитанья сквозь душившие ее слезы.

Петр отвернулся, втянув голову в плечи, как человек, вынужденный стать свидетелем чужих нежностей или слабости.

Таисия вытянула за руку из темноты (включить свет в гостиной у нее не было времени) невысокого полноватого молодого человека с пухлыми, покрытыми тонкой черной шерстью щеками, большими карими глазами с фиолетовыми мешками под ними, и взъерошенными черными волнистыми волосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.